Сквозь слёзы к звездам

Автор:
Галина Чередий

Сквозь слёзы к звездам

Галина Валентиновна Чередий

Время неумолимо. Время невозможно победить. Но может ли оно вылечить боль от предательства любимого человека? Пропасть разлуки. Бездна предательства. И только глаза любимого в глазах моих детей, его детей, лишь им можно верить. Они простят все. Или… Есть надежда? Ее глаза преследуют во сне. Голос вытаскивал из ада. Она не в моих руках – мой самый страшный кошмар. В нем живу долгие семнадцать лет. Лишь играя со смертью в прятки отключаюсь. И только мои глаза на лицах ее детей дарят надежду.В оформлении обложки использованы иллюстрации с сайта pixabay

Глава 1

Эйсон бесшумно проскользнул в дверной проем, и перегородка плавно вернулась на место. Он крался по коридору, как нашкодивший кот, и напряженно прислушивался к голосам родителей, доносившимся из гостиной. Нужно было незаметно просочиться в свою комнату и не нарваться на них в пути. Нет, не то чтобы он и вправду боялся их гнева. В конце концов, ему уже шестнадцать, и послезавтра они с Зефирой улетают в АСТРА-академию и становятся двумя взрослыми и самодостаточными студентами.

Просто не хотелось омрачать последние часы дома, выслушивая лекции отца о безответственном поведении, когда он почует от него запах эля. И что еще хуже ловить на себе грустный взгляд мамы. Она и так была против того, чтобы они с Зефирой учились не на Земле. Все не хотела их отпускать, словно они два младенца, в самом-то деле! Мама есть мама – могла бы, вообще держала их

рядом с собой до старости! Самое обидное, что они с отцом именно в академии и познакомились в свое время, и при этом она так расстроилась, когда им с сестрой пришел положительный ответ. Непонятно.

Эйсон не собирался сегодня так задерживаться с друзьями. Но кто же знал, что на эту прощальную вечеринку пожалует сама суперстар, Милка Волкова и решит обратить на него свой благосклонный взор. Раньше-то она его, типа, в упор не замечала. А теперь, когда стало известно, что они с сестрой официально зачислены в АСТРА-академию, он вдруг ей стал интересен.

Конечно, он не был одноклеточным и понимал, что это просто издержки неожиданно свалившейся популярности. Ведь в АСТРА-академию кого попало не брали. Одних знаний и интеллекта было недостаточно. Проводились еще и тщательные биометрические исследования и даже анализ ДНК на предмет наследственных заболеваний, и много всего. Так что, если их с сестрой отобрали, это означало только одно. Они лучшие. Во всех отношениях. Вот откуда такой внезапный интерес со стороны противоположного пола. Вокруг Зефирки и так до этого парни увивались – только успевай отгонять, а после новости так вообще проходу не стало. Но он на правах брата разогнал всех. Ну, почти всех. Был один особо упорный. И явно не лучший вариант из возможных. Нечего такому рядом с его сестрой делать. Таким, как он, только секс от девчонок и нужен. А шестнадцать – это еще слишком рано, чтобы начинать заниматься сексом.

Для девушки. Особенно его сестры.

А ему в самый раз. Вот поэтому Эйсон сейчас и крался в свою комнату под утро. Потому как секс оказался весьма захватывающим действом и совершенно отбивающим хоть какое-то чувство времени. Не то чтобы он не знал что-то о самом процессе до этого. Уж остаться в неведении что, как и куда при таком обилии инфы в сети мог только полный идиот. А Эйсон вроде идиотом не был. И недостатком здорового любопытства не страдал. Понятно, родители ставили сетевые фильтры и ограничения, но кем бы он был, если бы не научился в два счета их обходить. Поэтому сегодня, оставшись, наконец, один на один с Милкой в роскошном глайдере ее отца, он «технически» точно знал, что делать. Единственное, чего не ожидал, это того, насколько острыми будут ощущения. Ведь просмотр «веселеньких» роликов и тесная «дружба» с главной подругой девственников – правой рукой и близко не могут подготовить к тому, как это чувствуется на самом деле.

Эйсон очень надеялся, что не облажался в глазах гораздо более опытной партнерши. Само собой, он не был и близко влюблен в Милку и знал ее послужной список, но не хотелось, чтобы, говоря о нем где-то, она смеялась. Хотя какая, на фиг, разница? Встречаться с ней снова он не собирался.

Конечно, он на прощание обещал ей звонить и писать, но оба понимали, что этому не бывать. Тем более что Эйсон был уверен, что уже завтра Милка будет утешаться с каким-нибудь подающим большие надежды спортсменом или сынком до неприличия богатеньких родителей. Но ему ведь наплевать. Его ждет АСТРА-академия, где наверняка полно будет красивых девчонок.

Эйсон замер у стены перед открытой дверью, откуда в темный коридор падал прямоугольник света, и, прислушиваясь к разговору, решал, сможет ли он прошмыгнуть незаметно мимо. И чего это родителям не спится в такое время! Давно пора!

– Ты уверен, что ничего не всплывет? – голос мамы был встревоженным.

– Дорогая, не волнуйся, я все уладил. Все будет нормально.

– Но ты же знаешь, что тесты будут проводить снова, и довольно часто. Когда мы учились, это делали после каждого испытания, особенно связанного с воздействием радиации. Что, если все же всплывет правда? Ты представляешь, что дети почувствуют? Тем более они сейчас в таком трудном возрасте.

Судя по звукам, мама нервно ходила по комнате, а значит, проскочить пока не получится. Эйсон привалился плечом к стенной панели, идеально имитирующей натуральную древесину, которая сейчас на вес золота.

– Ирис, пожалуйста, перестань волноваться. Ты и так уже почти не спишь с того времени, как пришел ответ. Я же говорю тебе, что все утряс. У меня по-прежнему все руководство АСТРЫ в приятелях. Никто ничего не скажет детям, – уговаривал отец.

– Глупости. Ты же знаешь, что такое академия. Все равно найдется какой-нибудь придурок, который по незнанию или нарочно ляпнет что-то! Не считая самих учеников, которые так и норовят взломать систему и выудить о других

секретную и личную инфу. Мы с тобой учились там. Разве забыл, что творилось? – не успокаивалась мама.

– Детка, – Эйсон поморщился. Странно слышать, когда отец называет маму «детка». – Не переживай на пустом месте. Со времени нашей учебы системы безопасности стали гораздо лучше.

– Я тебя умоляю! Эти юные хакеры тоже стали гораздо круче, и нет такой системы, которую нельзя взломать. Я ведь говорила тебе давным-давно, что нужно было детям правду рассказать. Но ты же настаивал на своем. Неужели ты думаешь, что если бы они с детства знали, что ты им не родной, то они относились бы к тебе по-другому? Ты их вырастил, ты единственный отец, которого они знают! Они бы не относились к тебе иначе, если бы знали правду!

Эйсону показалось, что пол под ним покачнулся. Что только что он слышал? Он что, хапнул слишком много эля? Желание добраться до собственной комнаты тут же пропало.

– Ты не можешь этого знать, дорогая. Я по сей день считаю, что мы поступили правильно. Зачем забивать головы детям ненужными размышлениями, – раздраженно ответил отец. – Зачем им вся эта бесполезная информация?

– Знать о своем родном отце – это не бесполезная информация! – повысила голос мама.

– Прости, Ирис! Я совсем не это хотел сказать! Просто, зачем детям лишняя боль? Если его все равно уже нет, то зачем им знать? – примирительно проговорил отец.

– Просто я не вынесу, если из-за того, что Зефира и Эйсон случайно узнают правду, они отвернутся от меня. От нас, – мама всхлипнула.

– Этого не случится, детка. Поверь.

Но мама, похоже, совсем расстроилась, и Эйсон услышал, как она заплакала, тихо, но горько. Отец начал шептать что-то успокаивающее, и парень понял, что сейчас им точно не до него, и метнулся в свою комнату.

Как только дверь отсекла его от коридора, Эйсон увидел сестру, сидящую в его сетевом блоке. Прозрачная пластиковая сфера, подвешенная к потолку, мягко светилась внутри, делая черты сестры призрачными. На ней был его визуальный обруч для полного погружения, и она быстро перемещала голографические изображения, едва шевеля пальцами в воздухе. Вот засранка, сколько раз ведь говорил, чтобы не шарилась в его закладках!

Эйсон резко выдохнул, и Зефира порывисто обернулась. Он смотрел на нее мрачно и пытался переварить то, что только что услышал. Сестра истолковала его тяжелый взгляд по-своему.

– Ой, да не пяльсь ты так! Не смотрела я твою порнушку! – фыркнула она, снимая обруч с головы и выпрыгивая наружу.

– Да смотри на здоровье! Тебе все равно ничего такого в ближайшие годы не светит! – машинально огрызнулся Эйсон.

– Да вот у тебя забыла спросить, Соник! Сам-то вон, небось, не книжки до такого времени читал! – насмешливо вздернула подбородок сестра.

– С чего это ты взяла? – слегка смутился Эйсон.

– У тебя футболка наизнанку и ширинка до конца не застегнута, придурок! – расплылась Зефира в гадкой улыбочке.

– Ну и что? Чем бы я ни занимался, мне уже можно. А тебе еще рано.

– Если ты забыл, кусок идиота, мы двойняшки! Так что возраст у нас одинаковый, гений! – она всегда мгновенно выходила из себя, когда Эйсон пытался вести себя покровительственно.

– Ну и что! Я парень, а ты девчонка. И тебе рано! И вообще, заткнись и послушай, что я тебе скажу. Только поклянись, что не разноешься и не побежишь к маме за объяснениями.

– Как будто я так хоть когда-то делала, – презрительно фыркнула сестра.

– Ну, раньше я тебе и не говорил того, что хочу сказать прямо сейчас. Я реально, если честно, и сам чувствую себя по голове ударенным и даже не знаю, что и думать.

И Эйсон рассказал сестре все, что только что услышал. Под конец он почувствовал, как предательски дрогнул голос. Глаза у Зефиры стали огромными и совсем несчастными.

– Ты уверен, что ничего не перепутал? – тихо спросила она.

– Абсолютно.

– Но тогда получается, что папа…

– Да, он не наш родной отец, – кивнул Эйсон.

– Но как же так, Соник? – голос сестры выдавал готовые сорваться слезы. – Кто тогда наш отец?

– А я откуда знаю?

– Но нам же нужно знать! – Зефира смотрела растерянно.

– Предлагаешь пойти и спросить прямо? – съязвил Эйсон.

– Нет, конечно, придурок! Но как-то же можно это узнать.

– Как додумаешься, так сразу мне сообщи, – почти грубо буркнул парень. – А сейчас выметайся из моей комнаты. Я хочу в душ и спать.

– Ой, да перестань ты, – и не подумала сдвинуться с места сестра. – Как будто ты и в правду сможешь уснуть, узнав такое.

– Знаешь, я, в отличие от тебя, весьма насыщенно провел последние насколько часов. А после такого, видишь ли, хочется растянуться на постели и отрубиться. Об остальном я могу и завтра подумать, – соврал Эйсон.

– Фу! Ты мерзкий! Я не хочу ничего знать о твоих похождениях! – скривилась сестра.

– А как будто я и в правду собирался тебя в них посвящать! Говорю, выметайся!

В действительности Эйсону сейчас нужно было пространство, чтобы пережить шок без посторонних глаз. Пусть даже и сестры.

– Соник, а мама… она нам родная? – вдруг спросила Зефира дрогнувшим голосом.

– Ты что, совсем больная, Зефирка? Посмотри на нее и на себя в зеркало! Ну и дура же ты!

На самом деле уж по поводу родства с мамой ни у кого вопросов возникнуть не могло. Ведь они оба унаследовали от нее ее смугловатую, золотисто-оливковую кожу, которая как будто притягивала к маме до сих пор взгляды даже парней его возраста. И если у мамы и у Зефирки это выглядело просто потрясающе, заставляя мужчин все время задаваться вопросом, как будет ощущаться эта мерцающая гладкость под пальцами, то Эйсон чувствовал себя временами несчастным. Ему казалось, что этот оттенок кожи и ее безупречность делают его похожим на девчонку. Больше всего он мечтал, что покроет все свое тело разными лазерными татуировками.

А еще эти мамины глаза, что достались им с сестрой. Их необычный разрез ни с кем не перепутаешь. Только у мамы они точно жидкий, теплый темный шоколад. Эйсон частенько видел, как мужчины менялись в лице и начинали вести себя, прямо скажем, слегка по-другому, если ловили взгляд мамы, явно стараясь привлечь ее внимание. А у них с Зефирой глаза ярко-синие. Нет, сомнений в том, что мама им родная, у него не было.

– Сам такой! Сначала ошарашит на ночь глядя, а потом еще и обзывается! – возмутилась сестра.

– Так что, надо было тебе ничего не говорить? Скрыть, чтобы ты не ерзала теперь?

– Конечно нет! Просто… Это все так неожиданно.

Зефира поднялась и понуро поплелась к двери. Эйсон и сам сейчас чувствовал, словно внутри образовалась жгучая пустота. Знать, что тебе лгали всю жизнь? И кто? Самые близкие. Хотя, конечно, не то чтобы лгали. Просто не говорили. Нужно быть справедливым. Нужно, но пока не получалось. Может, позже, когда уляжется эта буря в голове. А пока только злость росла тем больше, чем дольше он об этом думал. Без сомнения, у родителей были причины поступить именно так, и они с Зефирой не младенчики уже, чтобы закатить из-за подобного открытия скандал или в корне изменить свое отношение. Но все равно, внутри у Эйсона сейчас бушевала, постепенно набирая обороты, настоящая буря. Кем был их биологический отец? И почему мама приняла решение не говорить им ничего?

– Я знаю, как нам это выяснить! – вскрикнула Зефира, и он аж подпрыгнул на месте.

– Ты что, чокнутая? Ты не свалила еще?! – зашипел на сестру парень.

– Нужно найти наши биометрические браслеты из роддома! – не обращая внимания на его злость, заявила Зефира. – Я знаю, что мама их хранит! Видела где-то! На браслетах должна быть инфа о том, кто наш биологический отец, его ДНК-отпечаток точно! Я знаю!

Эйсон нахмурился. Да это может сработать. На этих браслетах была полная медицинская информация и ДНК родителей в обязательном порядке. А если у них будет его отпечаток, то можно попробовать взломать систему и узнать имя.

– Ты у меня все же умница! – грустно улыбнулся он сестре.

– А то! Не то, что некоторые придурки, у которых кровь как от мозга отхлынула, так обратно и не вернулась пока!

– Ой, да много ты в этом понимаешь!

– Да больше, чем ты думаешь! – хитро ухмыльнулась сестра, устремляясь к выходу.

– Что-о-о-о? – Но сестра уже проскользнула за дверь, оставляя его гадать, что же она все же имела в виду.

Глава 2

Въедливый звук зуммера, оповещающего о входящем вызове, отвлек Финна от наблюдения за раздевающейся перед ним красивой женщиной.

– Не отвечай! – томно простонала она и посмотрела на него умоляющим взглядом.

– Извини, но это невозможно, Рина, – Финну, может, и хотелось скрыть безразличие в голосе к ее просьбе, но, судя по выражению лица партнерши, не особо удалось. А и хрен с этим.

Мужчина отвернулся и увидел входящий от Ингмара, специалиста по сетевой защите в Центре. Тут же нахмурившись, Финн моментально забыл о голой женщине прямо перед ним и, резко поднявшись, вышел из отсека.

– Проблемы? – резко спросил он, едва на экране появилось худое лицо друга и подчиненного.

– И тебе привет, Дагфинн. Спасибо, что спросил, как я поживаю! – оскалился Ингмар.

– Между прочим, это ты мне какого-то хрена в такое время звонишь. И отвлекаешь от одного весьма многообещающего представления, – сказав это, Финн едва сдержал недовольную гримасу. Встречи с Риной потеряли новизну, и пора было заканчивать этот фарс, пока девушка не придумала себе ничего ненужного.

– Ну, судя по твоему голому торсу, думаю, я и впрямь не вовремя. Ладно, отключусь, пока не возбудился от вида твоей мускулистой груди и миленьких сосков, – ухмыльнулся Ингмар, и демонстративно стал обмахиваться рукой, как будто его в жар кинуло.

– Кончай выделываться, Марик, детка, и говори, зачем позвонил, – в тон другу ответил Финн. – Я, в принципе, не слишком тороплюсь. И, кстати, в моих сосках вообще нет ничего милого! У меня настоящие брутальные соски!

– Иди ты, Дагфинн! Меня стошнит, если ты еще раз заговоришь о своих сосках!

– Ну, ты сам это начал! – победно усмехнулся Дагфинн.

– Ладно, кроме шуток. Дело в том, что час назад некий индивидуальный пользователь ввел в систему твои полные биометрические параметры и ДНК-отпечаток и произвел попытку взлома нашей базы с целью получить остальные данные о твоей личности.

Дагфинн моргнул в недоумении и уставился на друга.

– И? Ты, естественно, выяснил, кто это был?

– Обижаешь! Запрос был послан из домашней сети семьи Соколовских. И конкретно из личного сетевого блока некоего Эйсона Соколовского. О чем-нибудь говорит?

– Я сейчас к тебе приду, – и Дагфинн резко отключился.

Быстро вернувшись в свой отсек, Финн торопливо натянул свою рубашку.

– Финн? В чем дело? Ты уходишь? – растерянно спросила девушка, которая вальяжно развалилась на его кровати.

– Да. И ты тоже. И больше не приходишь. Никогда, – Финн не просто говорил – отдавал приказы.

Девушка сначала замерла, но потом, взбесившись, обрушила на него поток брани и стала быстро собираться, поднимая разбросанные по полу вещи. Но Финн не слушал ее, уже полностью погруженный в свои мысли и нежданные воспоминания.

Уже в дверях Рина, заплакав, попыталась повиснуть у него на шее.

– Финн, пожалуйста! – взмолилась она. – Я готова встречаться на любых условиях! Только не бросай меня! Не разрывай наших отношений.

Финн удивленно посмотрел на бывшую любовницу. О чем, черт возьми, она говорит?

– Рина, детка, мы замечательно тр*хались пару недель, и было довольно здорово, но что навело тебя на мысль о том, что у нас какие-то, мать их, отношения? – ледяным голосом спросил Финн.

– Ты! Чертов ублюдок! – закричала девушка и попыталась влепить ему пощечину.

Финн, не сходя с места, просто уклонился от пролетевшей руки. То еще открытие! Женщины за эти годы как только не называли его!

– Просто уходи! – безразлично сказал мужчина.

– Правду говорят, что ты жестокий и циничный сукин сын!

– Как скажешь, милая. Поторопись! – ответил он, не меняя тона.

– Ну, ничего, Финн! – злобно зашипела Рина, уже выйдя за дверь. – Найдется и на такого, как ты, женщина, которая вырвет тебе сердце и спляшет на нем, пока ты будешь подыхать у ее ног от боли!

– Тут ты сильно ошибаешься, детка! Нельзя вырвать то, чего больше нет! Так что без шансов, милая! Желаю тебе удачи. Ты была весьма горяча.

– Пошел на хрен! – И Рина ушла, а Финн отправился к Ингмару.

– Все данные на этого Эйсона Соколовского, – жестко скомандовал Дагфинн, едва вошел в рабочий отсек Ингмара, от пола до потолка опутанный кабелями и оснащенный десятками одновременно работающих голографических экранов. Из-за этого казалось, что Ингмар – некое бестелесное создание, потому что,

передвигаясь, он все время проходил через реалистичные картинки чужой жизни, которую отслеживал.

Ингмар удивленно поднял брови, но не стал спорить и расспрашивать друга и командира. Не сейчас, когда у Финна такое выражение лица, будто он готов устроить небольшую локальную войну.

– Эйсон Соколовский, 16 лет. Отец – Соколовский Федор Александрович, 40 лет, владелец компании «Кассиопея», занимающейся коммерческими межпланетными транспортными перевозками, мать – Ирис Соколовская, в девичестве Леонидос, 36 лет, технический директор и инструктор пилотов в одном лице в той же конторе. Так же у парня имеется сестра-двойняшка Зефира Соколовская…

– Твою мать! – прохрипел Финн, тяжело опершись о рабочий стол Ингмара.

– Что?

– Ничего! Продолжай! – отрывисто ответил побледневший Финн и скрипнул зубами, как от боли.

– Ты в порядке, командир? – нахмурился парень.

– Продолжай! – рявкнул Дагфинн.

– В общем, паренек и его сестра зачислены по результатам отбора в АСТРА-академию на первый курс. С высшим баллом, между прочим. Так что, возможно, будущие коллеги. Ну, что еще? В остальном, что называется, не был, не замечен, не привлекался. Парень – отличник, отзывы положительные, умен, уравновешен, абсолютно здоров. Могу копнуть, если хочешь, глубже.

– По какому поводу он запрашивал данные о моей личности, и откуда отпечаток моего ДНК?

– Сейчас гляну… Погоди… – Ингмар начал быстро перебирать в воздухе пальцами, сменяя одну страницу другой и вдруг замер. – Вот. Ведь. Хрень!

Финн подался вперед.

– Твой отпечаток и биометрические данные указаны в браслетах этих детишек.

– Каких таких браслетах? – Финн явно был на грани.

– Не тормози, командир. В браслетах из роддома шестнадцатилетней давности. Похоже, ты их биологический отец… – Ингмар снял сетевой обруч и шокированно уставился на Финна. – Ты не говорил мне…

– Никому ни о чем ни слова. Это приказ! – отрывисто рыкнул Дагфинн и вылетел из рабочего отсека.

Финн несся по коридору к себе, и внутри все просто полыхало от гнева и старой боли, что лавовым потоком поднималась из бездонных глубин его души, где он ее похоронил. Но как она могла так поступить с ним? Ладно, выкинула его из своей жизни, не захотев ждать. Выдрала его сердце и выбросила, как ненужный мусор, не захотела выслушать его по возвращении, даже увидеться с ним наотрез отказалась. На все его письма, что он слал ей из изолятора карантина, ответила только раз.

«Оставь меня в покое. Я замужем и счастлива. Тебе больше нет места в моей жизни. Прощай». Его тогда едва смогли унять лошадиной дозой транквилизаторов, иначе ничто бы не остановило его от того, чтобы разгромить на хрен весь изолятор и угнать первый попавшийся корабль, чтобы полететь к ней и потребовать ответов. Они держали его в чертовой медикаментозной коме, больше месяца, приводя изредка в чувство, чтобы он мог постепенно привыкать к реальному положению вещей. И к моменту, когда он смог покинуть карантин, Дагфинн смирился. Раз он не нужен Ирис в ее новой счастливой жизни, то так тому и быть. Прежний мужчина, до безумия влюбленный в ту, что не захотела ждать, умер, и родился новый. С тех пор он даже на Землю ни разу не летал. Зачем? Там его ничего не держало. У него был полный загадок космос. Он был его смыслом жизни и единственной страстью все эти годы. И Дагфинна это устраивало. До сих пор. Ровно до того момента, как он узнал о том, что у него есть дети.

Но как посмела Ирис скрыть от него то, что все эти годы они росли где-то на Земле? Его дети! И воспитывал их вместо него другой мужчина. Тот самый,

который отнял ее. Бывший лучший и, пожалуй, единственный друг, ближе которого у Финна на свете не было. И этот самый подлый друг украл у него не только любимую, но, оказывается, и счастье быть отцом своим детям! Тем самым детям, что они с Ирис зачали, пока она принадлежала ему, пока она любила его. В один из тех моментов их умопомрачительной близости, когда Финн сам себе казался всемогущим и переполненным до краев любовью и немыслимым для человека счастьем. Тогда Ирис была его, только его, а он принадлежал ей почти без остатка.

Оставался только еще один кусок его души, который он отдал космосу. И этот кусок вырвал его из объятий единственной любимой женщины, толкая, как любого больного бескрайней Вселенной, в непознанные глубины.

А Ирис просто не захотела ждать. Выбрала другого. Того, кто был все время рядом. И этому другому достались все прошедшие годы рядом с ней. Ее любовь, ее тепло, которые должны были принадлежать только ему, Финну. И даже его дети.

А Дагфинну достался космос. Бескрайний, неодолимо притягательный и прекрасный. И такой холодно безразличный, такой безмерно жестокий.

Финн взревел в тишине своего отсека и в бессильной ярости сжал кулаки. Кто ей дал право так поступить с ним? Даже если она посчитала, что он не подходит ей, ненадежен и недостаточно ее любит, зачем же лишать его права знать о детях? Хотя, видит Вселенная, как же он ее любил и желал! Яростно и до умопомрачения. Ее одну, всегда, с того момента, как встретил. Никого с такой безумной силой ни до нее, ни после.

Эта самая дикая любовь и отчаянное желание вернуться к ней дали ему силы цепляться за жизнь зубами на той проклятой планете. Он не мог умереть и не вернуться к ее глазам, что сжигали его каждый раз, когда встречались с его собственными. К ее телу, что притягивало его сильней самой мощной во всей Вселенной гравитации. К ее запаху, в котором он тонул, не желая дышать ничем другим. Ее стонам, что были самой совершенной музыкой в его мире.

***

– Ма-а-арко-о-о! – хриплый от страсти голос Ирис катится по нему потоком жидкого пламени, заставляя отзываться и вибрировать каждую клетку его тела, отвечая на этот призыв.

Его руки скользят по мокрой от пота и такой восхитительной гладкой коже его женщины. Пальцы без остановки ласкают, дразнят, сжимают, причиняя легкую боль, и тут же, словно извиняясь, оглаживают, чутко ловя каждый крошечный отклик, каждую судорогу желания, что уже на грани боли.Его рот не целует – грабит, завоевывает, присваивая себе без остатка каждый вздох и сладкий стон. Потому что только ему и должно все это принадлежать каждую минуту времени.

Ирис извивается под ним, опьяняя каждым движением. Трется о его грудь своими твердыми сосками, и это заставляет его резко выдыхать. Его собственное желание в секунды достигает высшей точки кипения, хотя это уже не первый раз за сегодня. Но разве это имеет какое-то значение? Его тело всегда готово для Ирис, всегда жаждет ее до мучительной, тягучей боли. Он проникает пальцами в ее лоно, и они утопают в горячей влаге. От этого ощущения его прошивает разряд чистого вожделения, и он содрогается над ней в голодном спазме.

– Ты снова готова для меня. – Да, он хотел бы звучать нежно, но из его горла непроизвольно рвется какой-то животный рык.

– Всегда, – выдыхает она, подаваясь навстречу его ласкающей руке.

Да, с его Ирис всегда так. Стоит только подумать о ней, и он твердый, как кусок титана. Стоит коснуться – и исчезает весь мир, а желание становится нестерпимым. Стоит почувствовать ее ответное вожделение – и готовность и похоть затмевают его разум, убивая все, кроме инстинктивного желания рваться внутрь ее тела, погружая себя все неистовей и ведя их обоих к разрывающему на части финалу.

Он входит в нее, сжав зубы и стараясь сохранить хоть какое-то подобие адекватности и пытаясь быть медленным и нежным. Да удачи ему! Его Ирис не собирается ему этого милосердно позволить. Она обвивает его руками и ногами и сама приподнимает бедра, резче подаваясь к нему навстречу.

– Больше, Марко! – шепчет она, как в бреду, целуя и облизывая его шею и подбородок. – Хочу больше тебя, любимый!

И он сходит с ума. Его тело больше не принадлежит ему. Оно просто инструмент для того, чтобы дать этой женщине все, что она хочет. Сгорает от любви к ней, принадлежит в каждом вздохе или жестком движении. Оно ее. Он ее.

Ирис стонет и отчаянно держится за него, встречая его движения, пока он долбится, как одержимый, в ее тесную сердцевину, желая выбить еще больше хриплых криков и всхлипов.

Он купается в ее наслаждении, тонет в нем и желает только больше и больше. И с каждым разом становится только голодней и ненасытней.

Любимая женщина напрягается в его руках, обращаясь жесткой дугой снаружи и неимоверно тесно сжимая его внутри. Она кричит, и этот сладостный звук посылает вниз по позвоночнику поток жидкого металла, который исторгает из него победный рык и, прокатившись пламенем по пояснице и бедрам, вырывается глубоко внутри тела Ирис, обжигая обоих.

***

Финн яростно захрипел, выныривая из этого наваждения. Какого черта с ним творится? Столько лет он жил, стараясь не помнить о той, что уничтожила его своим предательством. Разбила каждую долбаную кость в его теле, разорвала каждую мышцу, и он собирал себя из мелких кусочков, что она от него оставила.

Он справился и выкинул ее из головы, вытравил из своего тела другими женщинами. И вот теперь, стоило только опять просто услышать ее гребаное имя, и он стоит тут посреди своего отсека, обливаясь потом и дрожа, с таким стояком, что и не вспомнит, когда был тверже, и пульсирующей в такт сердцу дырой в груди размером с проклятый астероид!

Финн провел по лицу рукой, словно пытаясь окончательно стереть воспоминание об этой женщине. Что за на хрен! Один лишь короткий эпизод, которому он позволил вырваться на поверхность из той могилы в глубине души, где он их вроде надежно похоронил, и он просто снова разбит на части.

Что же это такое? Когда же он наконец начнет жить, а не выживать?

Может, пора встретиться с ней и сказать, какая же она вероломная тварь? Просто снова посмотреть в эти глаза, чтобы понять, что он не любит ее больше? И, черт возьми, потребовать ответы на все вопросы, в том числе и на тот, почему она исключила его из жизни его детей, будто он какой-то конченый ублюдок, и такого отца нужно стыдиться.

Дагфинн вызвал своего командира.

– Вечер добрый, Дагфинн. Какие-то проблемы? – нахмурился кэп Бисам.

Он был чуть старше самого Дагфинна, но его черные когда-то волосы были уже совершенно седыми. Он такой же, как и сам Дагфинн. Вечный одиночка, без близких и семьи, посвятивший всю свою жизнь разгадыванию бесконечных тайн космоса.

– Нет, кэп, никаких. Просто я хотел поставить вас в известность, что хочу взять отпуск.

Бровь командира резко вздернулась. Ну да, за все годы их совместной службы Дагфинн ни разу даже не заикался о подобном. Куда ему было ехать, собственно?

– Хм-м. Неожиданно, Финн. Могу я на правах твоего непосредственного командира спросить о причине?

– Это сугубо личное, – сухо ответил Финн.

– Вот как, – выражение лица кэпа стало задумчивым. – Может, и пора уже. Ладно, подавай прошение, я заверю. Сейчас у нас ничего срочного не намечается, но даже если что и случится, пора уже твоей команде продемонстрировать, что они и без тебя хоть на что-то годны. Сколько ты будешь с ними нянчиться.

– Я уверен в своих людях, кэп. Даже если я исчезну навсегда завтра, это никак не отразится на работе в целом.

– Ну, вот и проверим.

Кэп отключился, и Дагфинн пошел собираться.

Глава 3

Ирис, кусая губы, подлетала к офису. Она изо всех сил сдерживала слезы с того самого момента, как Эйсон и Зефира, помахав ей, со счастливыми лицами исчезли в посадочном портале корабля. Ее сердце разрывалось от разлуки с детьми и тревоги, а они шли вперед, полные радостных ожиданий. Еще бы – перед ними ведь открывалась абсолютно другая жизнь. Свободная и полная новых знаний и приключений. Кто в их возрасте не мечтает поступить в АСТРА-академию, всенепременно стать разведчиком глубокого космоса и обязательно открыть в одном из полетов нечто потрясающее, что впишет его имя в анналы истории изучения Вселенной навечно?

Уж она-то точно мечтала в свое время. Да что там говорить. Наверное, тоска по тому, что так и не случилось в ее жизни, по-прежнему сжимала сердце, когда она ночами смотрела на звезды.

Но судьба распорядилась по-другому. Та самая Вселенная, которой она с самого детства мечтала посвятить всю себя, отняла у нее все самое важное в жизни. Мечты о будущем и любимого. Хотя… На самом деле во всем только ее вина. Если бы она не стремилась так отчаянно привязать Марко к себе и к Земле, то и ее собственные мечты о дальних экспедициях могли бы стать реальностью, пусть и после его исчезновения. Но ни один капитан в своем уме не взял бы в команду беременную незамужнюю девицу, которую бросил парень, с радостью сбежав от нее в глубокую разведку. А после рождения Эйсона и Зефиры и гибели Марко на той проклятой планете о космосе и вовсе не стоило и мечтать.

Одна, с двойняшками на руках, Ирис постигала науку выживания в этом огромном мире. Без надежды на то, что любимый однажды вернется к ней и их детям, без образования, без поддержки и достойной работы. В том возрасте, когда ее ровесники заканчивали академию и сдавали экзамены, предвкушая путешествия к звездам, она училась быть матерью-одиночкой.

Но ни тогда, ни сейчас она ни одной секунды не пожалела, что решилась забеременеть от Марко в столь юном возрасте. Ведь только знание о том, что в ней растет частица навсегда потерянного любимого, позволило ей выжить, когда пришло известие о гибели экспедиции. Она едва не рехнулась, не желая верить в то, что Марко больше никогда не прикоснется к ней, не обнимет, заставляя трепетать от первого же контакта, не поцелует, мгновенно вызывая хмельную сладкую волну, делающую ее покорной и страстно желающей всего, чего бы Марко от нее ни захотел. Она была готова для него всегда, каждую минуту времени. Принимать его, раскрываясь до предела. Ласкать, упиваясь каждой дрожью его нетерпения. Утолять его бесконечный голод по ней, сходя с ума от счастья, что именно на нее направлен этот его жадный и требующий всю ее без остатка взгляд.

О звезды, как же она тогда просила его отказаться от той миссии. Кричала, скандалила, умоляла, угрожала расставанием, если он полетит. Ирис словно чувствовала, что они прощаются навсегда, и была готова вцепиться в любимого зубами и ногтями и никуда не выпускать. Но даже тогда осознавала, что не сможет его остановить. Да, Марко, наверное, любил ее. Но космос был его истинной страстью, его неизлечимой болезнью, его призванием и мечтой. А она… Да, она что-то значила для него, но, видимо, недостаточно, потому что он ушел, разозлившись и закрыв за собой дверь отсека, со словами, что его это все достало.

А потом исчез.

Оставил ее совсем одну.

Погиб в этих бескрайних чужих далях.

Никогда больше не появился.

Но гораздо хуже этого было то, что Ирис думала, что даже если бы экспедиция не погибла, он, наверное, не стал бы к ней возвращаться. Ведь целую неделю до отлета он с остальными членами экипажа был на базе Центра, но ни разу не поговорил с ней. Ни звонка, ни сообщения, ни ответа на ее отчаянные письма. Ничего. И когда они еще были в зоне доступности для связи, он не захотел сказать ей ни единого слова. Видимо, уже тогда принял решение порвать с ней.

А потом она узнала, что все же забеременела в ту их последнюю ночь, но поговорить с кораблем уже было нельзя. Да она и не стала бы. Хотела сказать ему по возвращении, чтобы смотреть в этот момент в его глаза и видеть, что он на самом деле испытывает. Потому что удерживать Марко насильно она не стала бы ни за что. Не смогла бы находиться с ним рядом и знать, что его привязывает к ней только чувство ответственности. Как бы ни хотелось Ирис впиться в него до боли, до крика, она не смогла бы смотреть в его полные только холодного терпения глаза. Не после того, как Марко позволил ей почувствовать себя самым прекрасным и любимым в этой жизни существом.

Рождение Эйсона и Зефиры стало для нее спасением, хоть и было причиной того, что ее выперли из АСТРА-академии, а родители практически отказались от нее. Они очень гордились тем, что дочь приняли в академию, и были просто убиты разочарованием, когда она вылетела. Да, конечно, они бы не бросили ее совсем и помогали бы, но у Ирис просто не достало бы сил каждый день смотреть в их осуждающие глаза. Она превратилась для них в нереализованную мечту, и выносить еще и это после потери Марко – это был уже перебор.

Ирис почувствовала, что от нее все отвернулись. Просто в один момент она осознала себя заключенной в каком-то вакууме. Ровесники и подруги были заняты совсем другими вещами. Им не были близки ни ее боль, ни переживания. У них впереди открывались блестящие перспективы, а она не спала по ночам и смертельно уставала, ухаживая за двойняшками одна.

И вот в один из таких дней, когда она уже была на грани срыва, и пришел Федя, лучший друг Марко, и поставил вопрос ребром.

На самом деле Федор постоянно был рядом. С момента их знакомства в ее первый день в академии Ирис привыкла, что Марко с Федором – друзья не разлей вода. Они были словно сиамские близнецы – никуда друг без друга. Два самых безбашенных красавчика и неугомонных повесы в АСТРА-академии. Они были вместе в любой проказе или рискованном задании, когда стали уже стажерами. Единственное время, когда они были поврозь – это когда Марко был с Ирис. И еще в ту проклятую экспедицию Марко улетел без Феди. Потому что его срочно перевели в другую команду.

С самого момента, как только Федор узнал о беременности Ирис, он опекал ее. А когда стало понятно, что Марко не вернется, он и вовсе покидал ее только для работы. Федор забирал ее из роддома, заботился обо всем необходимом, пока

Ирис пребывала в прострации из-за потери. Он находился все время рядом, помогая и поддерживая. И когда Ирис достигла того предела и могла впасть в черное отчаянье, Федор пришел и предложил ей выйти за него замуж.

– Ирис, тебе нужна помощь. Не от случая к случаю, а постоянно. Детям нужен отец, они уже очень скоро начнут все понимать. У них должна быть полная семья, – сказал он, как только двойняшкам исполнилось по полгода. – Ты совсем молодая, Ирис. Тебе нужно заканчивать учебу. Тебе нужно дальше жить. Марко уже не вернется. Ты должна осознать это и принять как истину.

– Но, Федечка, зачем тебе-то нас на себя взваливать? – тихо спросила Ирис. – Тебе свою семью нужно создавать, а не тянуть нас из чувства долга перед погибшим другом.

– Марко и ты и были моей семьей. Соник и Зефирка тоже мои. Я и так их воспринимаю как собственных детей, так что узаконивание ничего для меня не изменит.

– Федя, но ты ведь можешь влюбиться и захотеть создать настоящую семью, не фиктивную.

– Ириска, Ириска, ничего-то ты не понимаешь. Марко ведь был не единственным, кто влюбился в тебя, как дурак, – усмехнулся Соколовский и впервые посмотрел на Ирис так, что она увидела в его глазах чисто мужской интерес и еле сдерживаемое желание.

– Что ты…

– Перестань, ты ведь все видишь теперь, Ириска. Я люблю тебя. Только никогда не посмел бы сказать это или как-то показать, пока ты была с Марко. Он мой друг, и я бы ни за что не попытался даже встрять между вами. Ни за что. Но Марко больше нет. А ты и я есть. И есть Эйсон и Зефира. Так, может, ты дашь всем нам шанс. Мы можем стать семьей. Мы сумеем, если ты только захочешь попытаться. Пожалуйста, Ирис!

Ирис сидела пораженная. Как она не замечала раньше? Да очень просто. Марко всегда был для нее единственным.

– Федя, но я не люблю тебя как мужчину и не знаю, смогу ли…

– Спать со мной? – Ирис смущенно кивнула. – Поверь, я умею ждать. И умею быть ласковым и терпеливым. Просто дай мне возможность всегда быть рядом, позволь себе привыкнуть к мысли о том, что я в твоей постели, в твоей жизни. Остальное я сам сделаю. Только не отталкивай, и все у нас получится.

Ирис опустила голову и задумалась.

– Ириска, если ты переживаешь из-за того, что я могу однажды сгинуть где-то на задании, то я готов прямо завтра уволиться. Скажи «да», и уже завтра я подам раппорт на увольнение и стану просто бизнесменом, который каждый вечер возвращается домой к тебе и детям. Я буду рядом, когда бы только тебе ни понадобился. Я не пропущу первые шаги и слова Соника и Зефирки, их дни рождения и все те праздники, которые родители должны проводить вместе. Мы станем самой дружной семьей, только согласись попробовать.

И она согласилась. Федя ни в чем не обманул и не разочаровал ее. Уже через пару дней он перевез их в новый дом, где было все необходимое для детей. Он заботился о двойняшках, как о собственных, и ни разу не дал ни единого повода усомниться в том, что он их любит. Именно Федор настоял на том, чтобы они с Ирис не рассказывали детям о Марко. И он сумел терпением и чуткостью сблизиться с Ирис.

Случилось это несколько месяцев спустя, после того, как отметили первый день рождения детей. Ирис сама потянулась к Федору в поисках тепла и устав от воспоминаний, причиняющих боль. Мужчина был терпеливым, лаская ее тело нежно и неторопливо, боясь вспугнуть. И лишь доведя ее до оргазма, он позволил высвободиться всей той неутолимой жажде, что так долго скрывал от нее. В какой-то момент это даже насторожило Ирис. Глаза Федора горели настолько неистовым торжеством обладания и победы в момент его финала, что внутри все дрогнуло от испуга.

Но вернувшиеся нежность и осторожность быстро стерли из памяти Ирис тот самый первый момент торжества Федора. Нет, конечно, даже закрыв глаза, Ирис бы не могла представить на месте Феди Марко, да и не стала бы делать этого, считая несправедливым. Федор никогда не мог зажечь в ее теле огонь той сокрушающей силы, который вспыхивал, стоило Марко коснуться Ирис лишь

дыханием.

Но Марко больше не было. А они были. И Ирис научилась с этим жить. Не сразу, но научилась.

С тех пор прошло столько лет. И почти все в душе Ирис успокоилось. Улеглось и практически подернулось льдом забвения. Она спрятала воспоминания о руках и губах любимого, что помещали ее в другую реальность, когда он прикасался к ней. Ирис убедила себя похоронить как можно глубже память о вкусе его кожи и запахе. О словах, горячих и бесстыдных, что заставляли ее краснеть и задыхаться от смущения и возбуждения. О его движениях внутри ее тела, пронзающих всю ее сущность и доставляющих наслаждение такое острое, что ощущалось иногда настоящей болью. Она убедила себя, что, даже останься Марко жив, их отношения не продлились бы долго. Такая безумная страсть, что была у них, должна была сжечь их и саму себя рано или поздно.

Но как бы там ни было, у нее навсегда осталась часть Марко, что принадлежала только ей. Два существа с его цветом глаз. И это было тем, что никогда и никто не смог бы отнять у Ирис.

Никто, кроме тех же самых проклятых звезд, что навсегда забрали их отца.

Когда пришел положительный ответ из АСТРА-академии, Ирис сначала просто взбесилась. Как Эйсон и Зефира посмели послать туда запросы, даже не спросив у нее? Она проплакала ночь напролет, пока внутренне не смирилась. Видимо, с генами не поспоришь. Их с Марко детей звал космос, и с этим, похоже, уже ничего не поделать. И сегодня она сама отвезла своих кровинушек в космопорт и смотрела, как они, помахав ей, ушли.

Ирис всхлипнула, сажая глайдер перед офисом. Посмотрев в зеркало, она вытерла глаза и подумала о том, как она выглядит. Ведь реалии нынешней жизни были таковы, что женщины в ее возрасте впервые рожали, а она только что проводила в академию своих взрослых детей. Продолжительность жизни заметно увеличилась благодаря открытиям ученых, и 36 лет – это едва только расцвет. А как она, интересно, выглядит со стороны? За эти годы Ирис привыкла воспринимать себя как мать взрослых детей и мало задумывалась о собственной женской привлекательности. Но Федор настаивал на том, что, когда двойняшки улетят учиться, они должны попытаться родить еще малыша.

Ирис понимала, что так будет справедливо по отношению к мужу. Он столько лет отдал на воспитание детей Марко, что его желание иметь собственного ребенка вполне оправдано и заслужено. Она согласилась, но почему-то все внутри протестовало против такого решения. Словно родив от другого мужчины, она бы окончательно предала и перечеркнула память о Марко.

Ирис заставила себя встряхнуться и выбралась из глайдера. Ее ждет масса работы. Об остальном она подумает чуть позже, когда в душе все уляжется после отлета детей.

Глава 4

Дагфинн рассчитал все верно. Федор улетел час назад, и Ирис будет в офисе без него. Конечно, долго это не продлится, но для того, чтобы поговорить, не нужно так уж много времени.

Он проводил взглядом стройную фигурку Ирис, когда она выбралась из глайдера и вошла в офис. Его тело все накалилось просто от того, как сильно он сдерживал желание нагнать ее прямо на этой парковке и прижать к гладкому боку одной из воздушных машин. Впиться в нее глазами, заключая в клетку своих рук, отрезая все пути к бегству. Его аж потряхивать стало от силы желания, что в нем вызвала только ее походка, за которой он наблюдал издали. Это покачивание бедер причиняло самую настоящую боль ему, как, впрочем, и любому живому мужчине.

Когда-то давно, в другой жизни, где он был веселым парнем Марко, эта походка Ирис была его соблазном и кошмаром. Он начинал действительно задыхаться от желания, стоило ему очутиться в толпе позади нее в коридорах академии, и он просто беленился от ревности, ловя вокруг такие же жадные взгляды других парней. Это был настоящий ад – открыть в себе первобытного собственника, особенно в стенах АСТРА-академии, где приветствовалась свобода во всем. В том числе и в выражении собственных желаний и потребностей. Ведь они знали, что когда выпустятся, их частенько будут ждать долгие месяцы, а может и годы одиночества в ледяных просторах космоса. Так что, какой смысл ограничивать себя сейчас?

Как же Дагфинн злился на нее тогда за эту способность приковывать к себе внимание всех мужских особей вокруг, ничего конкретного для этого не делая.

Он вдруг вспомнил, как увидел ее впервые.

***

В тот день Федор потянул его в главный холл академии, где, озираясь, стояла толпа только что прилетевших первокурсников.

– Давай, шевелись, придурок, – подгонял его Федор. – А то всех хорошеньких расхватают и будем что останется подбирать.

Марко и сам знал, что стоит поторопиться. Эта негласная, но постоянная традиция, когда парни со старших курсов старались «застолбить» свои права ухаживать за первокурсницами существовала, наверное, столько же, сколько и сама академия.

Не то чтобы такое заявление прав в чем-то ограничивало самих девушек, но после этого незаметного действа никто не смел пытаться перейти дорогу счастливчику, пока его не отошьют, или пока он сам не решит закончить с этой девчонкой.

Конечно, все, кроме самих первокурсниц, были в курсе этих неписанных правил. Именно поэтому сейчас наверняка со всех сторон к главному холлу устремились похотливые самцы со старших курсов, как только стало известно, что корабль пристыковался к причалу АСТРА-академии. На самом деле они с Федором не нуждались во всех этих лишних движениях. И вопрос был вовсе не в сексе. Это было глупое мужское соревнование, демонстрация собственной состоятельности, и все это знали, но проигрывать никто не хотел.

Марко увидел Ирис сразу, как только вошел. Так, будто в толпе больше и не было других девчонок. Только она.

Девушка с совершенно потрясающей кожей, словно подсвеченной изнутри. Такой нежной и великолепной, что руки сами тянулись потрогать ее. А еще эта фигурка, обтянутая комбинезоном, которая каждым своим изгибом вызывала

взрыв воображения такой силы, что это отзывалось острой болью в мужском теле.

Глаза Марко выхватили ее в толпе и уже не готовы больше были отпустить. И он двинул к ней, как чертов потерявший управление космический корабль, попавший под мощнейшую гравитацию черной дыры, сметающий все на своем пути.

– Эй, ты куда это на таких скоростях? Что, уже выбрал жертву? – смеясь, окликнул его Федор, но Марко несся вперед.

Девушка отвернулась, осматриваясь вокруг, и Марко увидел, как к ней устремился Нолан Райес с третьего курса с похотливым огоньком в глазах. Но Марко послал ему яростный «даже, мать твою, не думай» взгляд и прибавил шагу. Соперник сузил глаза, давая понять, что не намерен отступать. Он рванул быстрее и уже схватился за ручку чемодана на колесиках девушки, как Марко достиг ее практически одним прыжком и нагло рванул к себе за талию. Девушка испуганно вскрикнула и по инерции, падая ему на грудь, выдернула ручку чемодана из наглой конечности Нолана.

– Отвали! – рыкнул Марко Нолану, сам даже еще не понимая, почему вдруг так завелся.

На самом деле им с Федором не особо приходилось заморачиваться по поводу женского внимания. Его всегда для них было в достатке и иногда чересчур.

– Ты совсем обнаглел, Дрэго? – тихо возмутился Нолан. – Это не по правилам!

– Поучи меня еще, салага! – огрызнулся Марко и сильнее притиснул девушку к себе.

– Да что вы себе позволяете? – возмутилась сама причина спора, выворачиваясь из цепкого захвата Марко.

Нолан едва успел открыть рот, но Марко тут же резко развернул красавицу к себе.

– О, это просто такой обычай, детка. Старшекурсники спешат поприветствовать вновь прибывших и помочь им быстрее сориентироваться и обжиться, – Марко выдал одну из своих убийственных улыбочек, которые заставляли девушек впадать в ступор. – Позволь представиться. Я Марко Дрэго. Готов стать твоим очень личным проводником и наставником в непростой жизни АСТРА-академии.

Но тут его сегодняшняя добыча вдруг подняла глаза, и Марко понял, как он офигительно влип, едва только встретился с ней взглядом. Ее два темных омута, как теплый, темный шоколад, мягко поблескивая, затянули его в сладкую глубину. Марко буквально ощутил на своем языке этот неповторимый вкус и запах восхитительного лакомства. На мгновение он не то что как улыбаться – как дышать забыл. А девушка вздернула удивленно бровь и осмотрелась вокруг.

– Что-то я не вижу, чтобы в отношении парней тут проявляли такое же рвение и желание помочь, как к девушкам. Это что, один из дурацких обычаев, типа самцовых соревнований: кто первый добежал, того и приз? – От звука ее голоса Марко ощутил такой прилив крови в паху, что ему оставалось только молиться, чтобы в этой толпе никто не решил бросить взгляд вниз, где все было ну слишком уж очевидно.

Что же, красавица не была наивной дурочкой. И Марко ничего не оставалось, как просто еще раз молча улыбнуться, надеясь на свою чисто физическую привлекательность. Но девушка только фыркнула и выдернула у него ручку чемодана.

– Парни, возможно, вы упустили из виду, что в академию отбирают не только за отменное здоровье, но и за достаточный уровень интеллекта. Причем касается это обоих полов. Поэтому я как-то сама сумею найти дорогу в свой отсек, а вы в свои мужские дурацкие игры идите в другом месте поиграйте. Я ничьим трофеем быть не собираюсь! Я сюда учиться приехала, а не чей-то список побед пополнять. Так что отвалите!

И она, вздернув подбородок, зашагала по коридору, покачивая своими восхитительными бедрами, а Марко с Ноланом, как, впрочем, и остальные, стояли и сглатывали слюну.

Как только девушка скрылась за поворотом, Нолан встал перед ним с угрожающим выражением лица.

– Она моя, Дрэго! Я не отступлюсь, – твердо заявил парень, выпрямляясь во весь свой немаленький рост.

– Да обломайся, Райес! Только попробуй сунуться к ней! – и Марко повысил голос: – И это всех касается! Кто сунется, реально руки с ногами переломаю! Эта девочка моя!

И Марко, не обращая внимания на шокированные взгляды вокруг, пошел в тот же коридор, в котором скрылась его упрямая добыча.

– Эй, Марко, я не понял, это что сейчас там было? – догнал его Федор.

– Кто бы знал, – буркнул Марко и постарался перевести тему, потому как и сам недоумевал от собственной реакции. – А ты чего же сорвался? Что, ничего интересного не нашел?

– Да куда эти девчонки от нас денутся! А вот своего друга сбрендившим в одну минуту не каждый день увидишь. Не пытайся соскочить с темы. Что там только что произошло?

– Что ты имеешь в виду? – невинно спросил Марко.

– Вот только передо мной не коси под придурка! Ты только что во всеуслышание застолбил эту крошку и даже угрожал всем, кто может попытаться ее перехватить. Вот я и хочу знать, кто ты и куда дел Марко Дрэго, долбаный пришелец?

– Что тут странного. Я ее хочу, – пожал плечами Марко.

– Ну, такое с тобой постоянно случается, но что-то я ни разу не видел, чтобы ты из-за этого на людей бросался.

– Я ни на кого не бросался!

– Спорим, у Райеса на это другое мнение.

– Пусть засунет свое мнение себе куда подальше. А к моей девочке не суется.

– Твоей девочке? Твоей? Марко, ты даже имени ее еще не знаешь! – выкатил глаза Федор.

– О, да, это такая потеря! – нахально ухмыльнулся Марко. – Это, без сомнения, может помешать мне заняться с ней сексом как можно быстрее!

– Марко Дрэго вернулся! Слава тебе, Вселенная, мудрая и бесконечная! – рассмеялся друг.

***

Дагфинн одернул себя, заставляя свой мозг вырваться из плена этих ядовито-сладких образов. Нельзя позволять себе этого. Он здесь не для того, чтобы предаваться воспоминаниям о тех временах, когда был беззаботен и счастлив, а впереди у него было все: мечты, карьера, любимая, дышавшая с ним одним воздухом. Он пришел сюда, чтобы потребовать свои ответы и наказать болью за боль, если это возможно.

Через несколько минут он уже входил в офис «Кассиопеи».

– Добрый день! – прощебетала милая девчушка, окидывая его заинтересованным взором. – Вас ждут?

Дагфинн ответил ей слегка плотоядным, нагловатым взглядом, который обычно безотказно действовал на женщин и заставлял их быстренько раздвигать перед ним ноги в любом месте. Прямо сейчас он не был в этом заинтересован, но привычка так вести себя оказалась сильнее.

– Меня всегда ждут, дорогуша! – ухмыльнулся он, видя, как вспыхнула девушка.

Хорошенькая, и он, пожалуй, поимел бы ее разок.

– Я Дагфинн Нерайо.

Администратор быстро посмотрела на висевший перед ней в воздухе полупрозрачный экран.

– Добро пожаловать, господин Нерайо. Госпожа Соколовская уже ждет вас, – и расплылась в довольно искренней улыбке. – Я провожу вас.

– Не стоит. Я прекрасно ориентируюсь в пространстве, милая.

И Дагфинн стремительно прошел по коридору. У него мало времени. Наверняка Федор уже в курсе его здесь появления и примчится с минуты на минуту, чтобы защитить свое ворованное сокровище. Только он все равно уже опоздал. Финн пришел сюда за ответами и обязательно получит их.

Он толкнул дверь и вошел без стука.

Ирис стояла у окна к нему спиной, и ему показалось, что он услышал прерывистый вздох. Она плачет? Внутри что-то трепыхнулось от этого звука, сворачивая желудок, но Дагфинн резко подавил в себе это волнение. Он никогда не мог выносить ее слез. Даже когда Ирис просто была расстроена, ему всегда казалось, что его на части рвут, и он никчемный неудачник, если позволяет случаться хоть чему-то, причиняющему Ирис боль.

Прочь эти мысли! Перед ним не его Ирис. Она чужая и почти незнакомая женщина, предавшая его и вышвырнувшая не только из своей жизни, но и из жизни их детей. Сука!

– День добрый, госпожа Соколовская. – Черт, его голос, кажется, все же выдает его волнение.

Ирис резко обернулась, и Дагфинн сжал до хруста зубы, от того, как же больно было на нее смотреть. Почему она не могла измениться до неузнаваемости за эти годы? Как может такое быть, что ее кожа по-прежнему светится изнутри, заставляя его пальцы судорожно скрючиться от потребности прикоснуться, как и тогда – в самый первый день? Это желание преследовало его всегда, стоило лишь увидеть ее.

Ирис слегка нахмурилась, впившись в него взглядом. Ее глаза – это все тот же сладостный теплый шоколад, ради лишнего глотка которого он когда-то был готов хоть на голову встать, лишь бы она смотрела на него одного. Жалкий идиот!

В следующее мгновение в этих жарких озерах появилась искра узнавания и шок. Издав какой-то жалобный возглас, Ирис быстро подошла к нему и замерла, подняв дрожащую руку к самому его лицу и неверяще и потрясенно буквально ощупывая его глазами. Ее дыхание резко вырывалось из приоткрытых губ, и Финн не смог не зацепиться взглядом за это мягкое совершенство.

Как бы он хотел никогда не знать, не помнить, как сладко этот рот ощущался под его, жадным и ненасытным. Как он когда-то скользил по его коже, изучая, лаская, сталкивая его в настоящее море чувственного сумасшествия.

Возбуждение – непрошенное и нежеланное – ударило его в живот и вызвало приступ ярости. Почему он не может даже спустя столько лет и зная, какая она подлая дрянь, не реагировать на нее?

– Интересная у вас манера приветствовать заказчиков, госпожа Соколовская, – как можно более холодно произнес Дагфинн, огромным усилием заставляя себя отступить на шаг.

Ирис же так и осталась стоять замершей с поднятой рукой и распахнутыми в шоке глазами.

– Марко? – прошептала она дрожащими губами.

– Надо же, у вас замечательная память на лица, дорогая госпожа Соколовская, – не скрывая насмешку в голосе, произнес Дагфинн. – Но все же вы слегка ошибаетесь. Глупый паренек Марко Дрэго сгинул в космосе много лет назад вашими молитвами. А перед вами Дагфинн Нерайо. Поговорим о деле?

Ирис покачнулась и вдруг, закатив глаза, стала валиться на пол. Только моментальная реакция позволила Финну метнуться и поймать ее.

Его тело будто в кипяток окунули. Ирис опять в его руках! Рядом, теплая, прижатая к его груди. Там, где, бешено спотыкаясь, билось его сердце, которое он ощутил, пожалуй, впервые за эти годы. Она так близко, совсем как раньше, когда он думал, что там и есть ее истинное место в этом мире.

На один короткий миг ему вдруг захотелось схватить ее и увезти далеко, прочь с Земли, туда, где они снова будут только вдвоем в целом мире, и ничего больше не имеет значения. Он станет, теряя разум, раз за разом обладать ею, как раньше, а его Ирис будет принимать его, как дано только ей во всей Вселенной.

Но реальность ледяным ветром моментально вернула его в неприглядную действительность.

Ирис не ЕГО! Он больше не имеет права касаться ее. Она отказала ему в нем. Потому что выбрала другого.

Зарычав, Дагфинн встряхнул бесчувственную женщину.

– Кончай свой спектакль, Ирис, детка. Тебе не удастся просто так соскочить с разговора, изобразив тут нервное потрясение.

– Что тут происходит? – раздался яростный мужской голос от двери. – Немедленно оставь в покое мою жену, Дагфинн!

И Федор бросился к нему и выхватил из его рук Ирис, тут же прижимая к себе жадным, собственническим движением.

– О, да, забери свое сокровище, бывший друг мой, – усмехнулся Финн. – Я сюда не за ней пришел, а за ответами. Хочу знать, почему мои дети называют именно тебя своим отцом?

– Откуда ты?.. Неважно! Слушай, прошу тебя Марко…

– Дагфинн!

– Хорошо, Дагфинн. Просто прошу, уходи сейчас и обещаю, я встречусь с тобой позже, и мы обо всем поговорим.

– Вот знаешь, чего не пойму? С чего это я о детях, МОИХ и Ирис, должен говорить с тобой?

– Я прошу тебя! Ты же видишь, до чего ее довело твое появление! Не заставляй меня вызвать охрану!

– О, даже так, старый друг? Готов спустить на меня собак?

– Если это понадобится для того, чтобы защитить от тебя свою жену. Прости!

– СВОЮ ЖЕНУ! Как, на хрен, мило, придурок! Каково оно – подбирать мои объедки?

– Пошел вон, Дагфинн.

– Не раньше, чем я получу все ответы!

– Ирис не будет с тобой говорить! Она не захотела делать этого тогда, не станет делать это и сейчас! Хочешь и в самом деле узнать хоть что-то – выметайся отсюда и жди меня через два часа в кафе «Поларис» у космопорта. Обещаю, отвечу на каждый твой вопрос.

– Ладно. Я уйду сейчас. Тошно смотреть на этот цирк с потерей сознания. Но если меня не устроят ответы, я вернусь. Так и передай НАШЕЙ даме.

Дагфинн в ярости покинул кабинет.

Что же, он подождет два часа и выслушает то, что скажет Соколовский. Но это не значит, что он отступит или просто уйдет, удовольствовавшись простым разговором. Нет. Для Ирис все только начинается.

Глава 5

Ирис медленно выплывала из моря боли, в котором тонула. Застонав, она попыталась пошевелиться, но тело было тяжелым и непослушным, словно кости и мышцы стали весить тонны.

– Как вы, госпожа Соколовская? – раздался обеспокоенный голос их семейного доктора, Аврама Разумовского.

Ирис приоткрыла глаза и осмотрелась, моргая и стараясь вернуть себе резкость зрения.

– Где я? – голос не хотел слушаться и скрипел.

– Вы дома. В вашей спальне. В полной безопасности, – ответил доктор.

– Что случилось со мной?

– Ваш муж вызвал меня, сказав, что у вас случился нервный срыв в офисе. Он предполагает, что это из-за того, что вы тяжело переживаете отлет ваших двойняшек в АСТРА-академию.

Да, похоже на то. Мысль об отлете детей отозвалась новой болью внутри. Но было еще что-то. Вспышка воспоминания, как жесткий удар плети, подкинула ее, заставляя сесть на кровать.

– Марко! Где Марко? – Ирис стала нервно озираться, желая увидеть призрак того, кого уже давно считала погибшим.

– Прошу прощения, я не знаю, о ком вы.

Ирис, преодолевая слабость и головокружение, начала подниматься.

– Немедленно ложитесь, госпожа Соколовская! – повысил голос доктор. – Вам абсолютно противопоказано сейчас любое перемещение. Вы не владеете своим телом из-за успокоительного, которое я вам ввел, и можете нанести себе травмы, если будете ходить.

– Я должна найти Марко! Где он? – упорствовала Ирис.

– Сейчас же ложитесь, или я буду вынужден вас снова усыпить! – пригрозил доктор, и Ирис смирилась

– Не надо меня усыплять! Где мой муж?

– Он вынужден был отлучиться, чтобы что-то уладить, но связывался со мной недавно. Он на пути домой и будет здесь с минуты на минуту.

Ирис отвела глаза и уставилась в потолок. Неужели это не призрак, возникший из прошлого, чтобы нанести ей сокрушительный удар, а реальный, живой Марко появился в ее кабинете перед тем, как ее мозг не вынес всего нахлынувшего напряжения и отключился?

Но как? Как это вообще может быть правдой? Марко Дрэго умер. Сгинул в прожорливых глубинах дальнего космоса много лет назад, украв ее душу и сердце. Оставив в груди только истекающий кровью кусок бессмысленной плоти, необходимый лишь для простого физиологического перекачивания крови.

Но она не могла ошибиться. Этим утром в ее кабинет вошел именно он. Не кто-то поразительно похожий, не двойник, а именно ее Марко. Возмужавший, заматеревший, уже не тот паренек – бесшабашный выпускник АСТРА-академии и ее самый желанный и неповторимый возлюбленный, но это был именно он. Черты его лица стали намного резче и жестче, кожа приобрела тот специфический оттенок, что выдает человека, проводившего большую часть жизни в космосе. А тело, которым она восхищалась и которое знала когда-то едва ли не лучше собственного, стало еще мощнее, с четко, видными даже сквозь одежду, очерченными линиями тренированных мускулов, демонстрирующими, в насколько совершенного мужчину он превратился за эти годы. Да, Марко несомненно изменился, но Ирис бы не спутала его ни с кем. Потому что никогда для нее во всей Вселенной не было мужчины даже близко способного сравниться с любимым. И дело даже не во внешности. С первого же взгляда на него все то, что она похоронила и оплакала в потайной глубине своей души, всколыхнулось и ожило. Ее чувства к нему словно бы никогда и не умирали, а лишь затаились внутри, как коварный зверь, что набросился на Ирис с первого же вдоха рядом с Марко, раздирая душу в клочья.

Один миг погружения в его глаза, полные такой родной сумеречной синевы – и для нее все в мире вдруг стало по-прежнему. Будто все эти годы она была замершей на середине шага, а в тот миг просто продолжила движение с того же места, где ее остановил его уход.

Все вернулось с прежней и в тысячи раз большей силой: любовь, отчаяние, смертельная тоска и даже нестерпимое, сжигающее душу желание и мучительные воспоминания о каждом моменте их недолгой совместной истории.

***

Звук зуммера от входной двери заставил Ирис вздрогнуть. Она уже одевалась для занятий по физической подготовке и была готова выйти. Еще вчера она, как и другие вновь прибывшие, получила расписание. По полной программе они начнут учиться через три дня, а уже сегодня с утра их ждали тренировки. Прекрасная физическая форма строго обязательна для кадетов, и не должно быть ни дня простоя.

– Войдите! – крикнула Ирис, и внутренний замок двери отсека, уловив ее согласие на вторжение стоящего снаружи, гостеприимно распахнул дверь.

И Ирис едва сдержала вскрик, увидев в проеме того самого нахального черноволосого парня с потрясающими синими глазами, что вчера столь бесцеремонно хватал ее после прилета.

– С первый днем в академии, Ирис! – расплылся он в белозубой улыбке, от которой у Ирис еще вчера обмерло все внутри.

Ей тогда стоило огромных сил не начать глупо и влюбленно улыбаться ему в ответ, учитывая мощь той волны жара, которая прокатилась по ее телу, когда этот наглец, как куклу, развернул ее к себе в толпе. И только злость на всю ситуацию позволила ей не прильнуть к нему прямо там, вдыхая его поразительный запах. Высказав обоим явно претендующим на ее внимание парням, что думает об этих их боданиях, она сделала предельно безразличное лицо, и это был максимум, на который она была способна в той ситуации и с учетом ее состояния, и ушла, надеясь, что выглядела достаточно гордо. Но едва за ней закрылась дверь отведенного ей отсека, Ирис сползла вниз, так как ставшие ватными ноги моментально подогнулись. Все, что тогда стояло у нее перед глазами – это умопомрачительная синева насмешливого мужского взгляда, в котором только слепой не увидел бы желания, и опасная близость его губ в тот момент.

Весь оставшийся день понадобился Ирис, чтобы выбросить парня из головы. Сто раз она напомнила себе, что прилетела сюда учиться, что родители должны ею гордиться, и для этого она должна упорно работать и не отвлекаться на всякую романтическую чушь. Но она бы соврала, если бы сказала, что, засыпая, не думала о синеглазом дерзком красавце и не видела именно его губы во сне в свою первую ночь в АСТРА-академии.

И вот надо же, именно этот лишающий ее концентрации брюнет – первый, кого она видит в свой первый день здесь. Похоже, парень не привык отступать и проигрывать.

– Доброе утро, кадет Дрэго, – Ирис напустила на себя холодность, не желая выдавать нахалу, как он действует на нее одним фактом своего присутствия.

– Стажер Дрэго, детка, – с хитрой улыбочкой поправил он ее. – И я рад, что ты так быстро запомнила мое имя.

– Хм. Прошу прощения. Доброе утро, стажер Дрэго…

– Когда мы наедине, для тебя я Марко, Цветочек. Ты готова идти на занятия? Не стоит опаздывать в самом начале обучения.

– Спасибо, что беспокоитесь, стажер Дрэго, но думаю, что и сегодня прекрасно обойдусь без вашего сопровождения, – вздернула Ирис подбородок.

– Ну, боюсь, это невозможно, Цветочек. Потому как именно я и являюсь инструктором по физической подготовке в вашей десятке, кадет Леонидос.

Ирис вспыхнула, смутившись, и, опустив голову, быстро пробормотала извинения и постаралась протиснуться мимо него в коридор. Но Марко, на секунду обхватив ее за талию, наклонился к ее уху и прошептал, обжигая дыханием.

– Не делай так!

– Как? – удивленно вскинула глаза Ирис, встречаясь с его – полными мужской жажды. Ох, напрасно она это сделала!

– Так, как сейчас. Ты опустила глаза, а твои щеки пылают, и дыхание сбилось. Нам ведь нужно сейчас заниматься, а все, о чем я могу думать, это как далеко по твоей потрясающей коже разольется румянец, если я прямо сейчас поцелую тебя?

– Что? – Ирис дернулась в его цепком объятии.

– Хочу знать, розовеют ли твои грудь и живот, когда ты сильно возбуждаешься? – выдохнул Марко в ее кожу на шее, и Ирис дернулась, ощущая его дыхание как ожог.

Возмущение вспыхнуло внутри девушки, и она с силой отпихнула парня от себя.

– Не смей меня трогать, нахал! – прошипела она в его усмехающееся лицо, заметив, что из соседних отсеков выходят другие кадеты.

– Ну, это совершенно невозможно, учитывая, что я ваш инструктор, кадет Леонидос, – достаточно громко сказал он для того, чтобы их услышали окружающие, и шепотом добавил: – Ты просто восхитительна, когда сердишься! У меня от тебя в голове мутится!

– Обратись в санчасть! Может, это отравление! – огрызнулась Ирис.

– О, еще какое отравление! И я даже точно знаю противоядие. Готова оказать мне столь необходимую первую помощь прямо сейчас, Цветочек, и продолжить спасать меня сегодня ночью?

– Неужели кто-то на это ведется, стажер Дрэго? – отступила Ирис от него на шаг.

– Понятия не имею! – продолжал веселиться Марко. – Ты ведь первая, за кем я пытаюсь ухаживать. Неужели обломаешь меня и навсегда поселишь в парне неуверенность в своих силах?

Ну, да! Так она и поверила в его неопытность.

– Думаю, тебе стоит на лбу вживить табло со счетчиком твоих побед, Дрэго! Так будет хотя бы честно по отношению к девушкам – они бы точно знали свой порядковый номер, да и тебе не пришлось бы отвечать на идиотские вопросы типа: «Сколько было до меня у тебя, милый?» Но знаешь что, Синеглазка? Меня в этом твоем списке никогда не будет! Даже и не мечтай!

– Синеглазка? Цветочек, так приятно, что мы еще даже не целовались, а ты уже даешь мне милые интимные прозвища. Хотя, думаю, после того, как мы проведем с тобой первую же ночь вместе, оно быстро изменится. Скажем, например, на «Феноменальный язычок» или «Восхитительные пальчики». Хотя нет, постой, больше подошло бы «Неутомимый жеребец»!

– А по-моему, «Самый Хвастливый Придурок Во Вселенной» подошло бы гораздо больше! – Ирис рванула вперед по коридору, не желая больше слушать этого идиота и стараясь скрыть, как запылали ее щеки.

– Я никогда не хвастаюсь, кадет Леонидос! Я лучший! Во всем, – громко сказал ей Марко, нагоняя ее в сопровождении остальных ребят.

– Ага, болтай! – отмахнулась Ирис.

– Проверишь?

Ирис отвернулась и поклялась себе игнорировать этого самодовольного засранца, что в момент разрушал ее самообладание и наполнял голову непристойными желаниями. Ее познания в области секса обширными назвать язык бы не повернулся. Недельная интрижка перед самым отлетом с давно увлеченным ею красавчиком спортсменом из бывшей школы – вот и все, что было в ее небогатом арсенале. Парень был нетерпелив и слишком торопился, а потому первый раз не оставил у Ирис никаких приятных воспоминаний. Как, впрочем, и следующие три раза. Ирис вообще задалась вопросом: что в сексе такого, что все постоянно о нем думают и говорят, и зачем она вообще пошла на эту глупую затею с коротким романом. Но парень ей нравился, и они встречались довольно давно, да и лететь в АСТРА-академию и корчить из себя взрослую и самостоятельную, на самом деле оставаясь девственницей, ей казалось глупым. Хотя после своего первого опыта спортсмен ей нравится перестал, а идея сохранить невинность не казалась столь уж непривлекательной. Но стоит ли сожалеть о том, чего не вернуть? Да вот только само присутствие Марко Дрэго

будило в Ирис что-то, о чем она в себе до этого даже и не подозревала. Жгучее желание узнать… Почувствовать, каково это, когда они оба, обнаженные, влажные от пота и тяжело дышащие будут двигаться навстречу друг другу и совместному удовольствию. Несмотря на всю раздражающую самоуверенность Марко, Ирис казалось, что уж близость с ним-то наверняка не оставила бы ее равнодушной. Вот поэтому от него и нужно держаться как можно дальше.

Но в планы стажера Дрэго явно не входило давать ей пространство для того, чтобы держаться на расстоянии. На первом же занятии после прохождения полосы препятствий Марко распределил их на пары для обучения азам боевых навыков рукопашного боя. Это было обязательной дисциплиной на случай захвата корабля недавно появившимися пиратами. И, конечно, его партнером стала Ирис!

Это было настоящее испытание для ее нервов – раз за разом оказываться на матах под ним или тесно прижатой к его мускулистому сильному телу в обездвиживающем захвате. У нее буквально в голове плыло от его разгоряченного запаха, ощущения рук на ее коже и то и дело скользящих, как бы невзначай, ладонях на самых разных частях ее тела.

– Очень плохо, кадет Леонидос, – скорчил недовольную гримасу Марко, хотя она и видела веселых бесенят в его глазах. – Если ваши навыки самообороны столь плохи, то думаю, я просто обязан буду настаивать на индивидуальных занятиях.

Со стороны остальных кадетов послышались смешки, и Ирис закатила глаза.

Когда занятие закончилось, Марко, нисколько не маскируя свой к ней интерес, проводил девушку до самой двери отсека под понимающими взглядами сокурсников.

– Пригласишь меня внутрь, Цветочек? Обещаю, что прямо сейчас буду вести себя целомудренно, – тихо сказал Марко у самой ее двери.

– Ни за что, стажер Дрэго! Во-первых, я не уверена, что тебе известно значение слова «целомудренно», а во-вторых, подозреваю, что ты, как вампир из старых книжек: стоит пригласить тебя внутрь хоть раз – и от тебя уже не избавиться.

Марко расхохотался.

– Тебе и так от меня никак не избавиться, Цветочек. Слушай, сегодня приветственная вечеринка в честь того, что вы вливаетесь в наши ряды. Я зайду за тобой в восемь, – причем последняя фраза совсем не была вопросом.

– Если я и пойду на вечеринку, то точно не с тобой! – Ирис вошла внутрь.

– Если не со мной, красавица, то и ни с кем. Никто, кроме меня, к тебе и близко не подойдет.

– Проверим?

– Да сколько угодно! – и Дрэго ушел с торжествующей похабной улыбочкой…

***

– Госпожа Соколовская, ваш муж уже на подлете, – вырвал Ирис из воспоминаний доктор.

Вселенная, мудрая и всемогущая! Как же Марко Дрэго раздражал и выводил ее из себя в первое время! Так же сильно, как и привлекал, и лишал сил и возможности бороться с ее чувствами к нему.

Звук открывшейся двери привлек внимание Ирис к появлению мужа.

– Доктор, как она? – спросил Федор, ощупывая Ирис обеспокоенным взглядом.

– Думаю, сейчас уже все в порядке, господин Соколовский. Я стабилизировал ее состояние медикаментозно, и сейчас все, что нужно, – это отдых и отсутствие раздражителей.

– Спасибо, доктор.

– Я вас покидаю, но буду на связи, если что. До свидания.

Доктор ушел, а Федор так и остался стоять посреди их спальни, прикованный к месту прямым взглядом Ирис. Тяжелая тишина – предвестник назревающей разрушительной стихии – повисла между ними.

– Как давно ты знаешь, что Марко жив? – наконец произнесла Ирис, и Федор заметно вздрогнул.

Глава 6

Дагфинн поймал заинтересованный взгляд женщины за соседним столиком и привычно одарил ее своей раздвигающей ноги улыбочкой. Она была вполне так ничего себе, хотя, не то чтобы его это сейчас на самом деле интересовало. Его тело взбунтовалось от одного только прикосновения и запаха Ирис и мучительно пульсировало в неутолимом голоде по этой и только этой женщине, не желая успокаиваться даже сейчас, спустя час после их мимолетной встречи.

Дагфинн сделал большой глоток ледяного пива, нисколько не ощущая вкус, скорее, чтобы пожар внутри хоть чуть-чуть угас. Ну почему, ради всех долбаных пульсаров, Ирис продолжает так на него действовать? Как – всего лишь одним своим взглядом и коротким выдохом при взгляде на него – она умудрилась вывернуть его наизнанку? В один миг скрутила его нестерпимой потребностью ощутить себя снова внутри ее тела любым возможным способом. Почему к любой другой женщине за эти годы он мог ощущать лишь плотское желание, не затрагивающее ничего у него внутри, кроме необходимости снять накопившееся напряжение, развлечься или просто отдаться ненадолго удовольствию. Все это он с легкостью мог игнорировать, как и остальные примитивные потребности организма. Это никогда не оставляло никакого следа в нем, не было способно отвлечь его от работы или вообще хоть как-то замутить его мысли.

Но стоило Ирис лишь остановить на нем взгляд этих шоколадных озер, и он потерялся, исчез для всего окружающего. Забыл, где они и что вокруг, и мог думать только о том, как же мучительно сладко ощущалось бы прямо сейчас ее податливое тело под ним. Ему нужно было лишь избавить их обоих от ненужной между ними одежды и впиться в нее своим ртом, пальцами, членом и не отпускать до тех пор, пока они оба не упадут обессиленными, будучи не в состоянии ни двигаться, ни даже просто дышать. И этот голод невозможно было

проигнорировать или хотя бы просто как-то заглушить, потому что он был как нужда в воздухе для следующего вдоха.

А когда ворвался Федор и выдернул Ирис из его рук, Дагфинн едва не бросился на того в примитивном желании отобрать, вернуть свое. Чтобы никогда больше не отдавать ее никому снова. Лишь только немыслимым усилием ему удалось заставить свой мозг вернуться из режима первобытного собственника в реальность и вспомнить, что эта женщина больше не принадлежит ему.

Ревность – удушливая и сжигающая – разлилась кислотой по его коже при виде рук Федора на теле Ирис. Дагфинн едва не рехнулся, видя, каким собственническим жестом бывший друг прижимает к себе ЕГО женщину и пытается буквально заслонить от него собой, спрятать, чтобы не позволить касаться даже взглядом. И, поглоти его навечно черная дыра, как же Дагфинн понимал Федора в этот момент!

Разве сам он не вел себя точно так же с первого же дня, когда встретил Ирис! Было в ней нечто, что заставляло, наверное, любого мужчину из существа разумного превращаться в примитивного самца, яростного желающего защитить эту территорию только для себя самого и готового ради этого драться и проливать свою и чужую кровь. И это, прости, Вселенная! в век, когда люди давно оторвались не только от планеты, породившей их как биологический вид, но и отринули очень многие из древних инстинктов. Секс уже не воспринимался обоими полами как нечто обязывающее или скрепляющее отношения. Он стал больше физиологической необходимостью организма: как сон, или еда, или дыхание. И испытывать чувство собственничества было не только странно, но и нелепо. Но, однако же, Ирис была той женщиной, которая мгновенно будила в мужчине все эти забитые воспитанием и цивилизацией инстинкты и превращала его в неандертальца, бьющего себя в грудь и готового бросать вызов всему миру ради своей женщины.

***

Он стоял не сводя взгляда с двери общей гостиной. Вечеринка вовсю набирала обороты, и Марко уже неоднократно вынужден был продемонстрировать подходящим к нему девушкам, что сегодня он в их компании не заинтересован. Федор, устав проходиться по нему своими идиотскими шуточками, ушел с какой-

то блондинкой-первокурсницей и вовсю обжимался с ней на диване. А Марко все еще ждал. Ирис сказала ему, что не пойдет с ним на вечеринку, и даже отказалась открыть дверь, когда он все равно явился в восемь, но он надеялся, что любопытство все же заставит ее прийти.

И когда она появилась в дверном проеме, его легкие расширились, словно желая захватить ее запах даже с такого расстояния и в толпе танцующих тел.

К Ирис устремились взгляды многих парней, но потом они сразу находили глазами его, решительно к ней направившегося, и тут же со вздохом отворачивались. Правильно, похотливые засранцы! Он ясно дал понять, чтобы к Ирис никто и не пытался приблизиться, иначе никакие доводы разума и правила академии не остановят его от членовредительства.

Ирис тоже увидела его и в раздражении закусила губу.

– А можно мне это сделать? – спросил Марко, подходя к ней вплотную и останавливая взгляд на ее рте, вызывающем в нем постоянное жадное желание целовать и облизывать его.

– Скажи, что нужно сделать, чтобы ты перестал появляться как черт из табакерки, стоит мне покинуть собственный отсек? – нахмурилась девушка, будя внутри какое-то глупое умиление от ее такого демонстративно наморщенного лобика.

– М-м-м… Дай подумать? Может, дать мне беспрепятственный и круглосуточный доступ на вход? И тогда тебе точно не придется беспокоиться о том, что я неожиданно появляюсь, потому что каждую свободную минуту я буду проводить ВНУТРИ, – Марко вовсе и не пытался скрыть, что говорит сейчас совсем не о доступе к ее отсеку.

Он хотел оказаться внутри ее тела так сильно, что скрывать это дурацкой игрой у него просто не было сил. Сегодняшнее занятие по основам самообороны просто доконало его. Если поначалу он и мог себя сдерживать, то под конец уже откровенно лапал Ирис, и его жесткий стояк не увидел бы только слепой, а таких в академию не брали. И, естественно, он видел и то, как остальные кадеты смотрят на них с Ирис, и то, как ее саму это злит, но, провалиться ему в вакуум, его это только еще больше заводило. Он понимал, что ведет себя, как

законченный озабоченный засранец, но, чего уж греха таить, ведь рядом с Ирис он в него и превращался.

– Стажер Дрэго…

– Марко, Ирис! Скажи, что мне сделать, чтобы ты назвала меня по имени?

– Перестать меня преследовать?

– Это не подходящий вариант ни при каких обстоятельствах. Потанцуй со мной лучше.

– А вот это не подходящий для меня вариант ни при каких обстоятельствах.

Ирис развернулась, чтобы уйти, и Марко рванул вслед за ней по коридору.

– Я не буду спать с тобой даже через тысячу лет, Дрэго.

– Правильно, потому что это случится намного скорее, Цветочек. И это очень понравится нам обоим.

– Перестань бредить! С кем угодно, но только не с тобой! Не хочу иметь порядковый номер в твоем самцовом списке свершений. Я найду себе нормально парня…

Марко и сам не понял, как прижал Ирис к стене всем телом и яростно выкрикнул в лицо:

– Обломайся, Цветочек мой! Только со мной и больше ни с кем, слышишь? Никто, у кого есть член в этой чертовой академии, не приблизится к тебе ближе, чем на метр! Просто прибью любого!

– Да ты совсем рехнулся, Дрэго! Отпусти меня немедленно! – зашипела на него Ирис, но Марко уже видел, как сбилось ее дыхание и заблестели глаза.

Ирис извивалась под его телом, стремясь освободиться, но это трение только еще больше сводило его с ума. Марко, уже мало что соображая, запустил свои пальцы в ее волосы и дернул, заставляя голову девушки запрокинуться. Ирис вскрикнула, и он дерзко впился в ее рот, желая получить его себе в безраздельное владение навечно.

Ирис, явно взбесившись от его наглости, зарычала и попыталась двинуть ему коленом в пах. Но Марко резко прижал ее плотнее, полностью обездвиживая и лишая возможности нанести удар, одновременно перехватывая ее руки и прижимая их к стене у нее над головой. Он нахально раздвигал ее губы языком и скользил по сжатым зубам, откровенно вымогая доступ внутрь. Его плоть напряглась до предела и болезненно пульсировала, когда он бесстыже терся о живот девушки. Долбаные пульсары, это была такая сладкая мука, что останавливаться он не хотел ни за что на свете. Ирис опять рванулась и неожиданно впилась зубами в его нижнюю губу до крови, одновременно пытаясь оттолкнуть его. Боль от ее укуса взорвала его мозг, мгновенно трансформируясь в волну обжигающего наслаждения, и Марко совсем лишился разума. Из его горла рванулся какой-то дикий звук невыносимой мужской жажды, и он набросился на рот Ирис уже безжалостно и яростно, одновременно отчаянно втискивая свое колено между ее ног.

Ирис, словно заразившись его безумием, задрожала и обмякла в его алчных объятиях. Она наконец впустила его в свой рот и встречала язык Марко не менее неистовыми движениями своего языка и губ. Они целовались, рыча и кусая друг друга, как обезумевшие от похоти животные. Марко совершенно потерялся в этих ошеломляющих ощущениях. Он всегда был нежным и внимательным с девушками, не теряя контроля над происходящим окончательно даже в момент оргазма. Но сейчас один лишь поцелуй с Ирис за секунды довел его до состояния трясущегося от невыносимого вожделения безумца, забывшего обо всем вокруг, кроме одного. Он желал Ирис прямо сейчас, сию же секунду, и пусть весь мир катится хоть в черную дыру, хоть взорвется Сверхновой.

– Ну надо же, Дрэго, а ты быстро справился, – раздался за спиной насмешливый голос Нолана Райеса. – Сразу видно – профи!

Ирис замерла в его руках и будто обледенела.

– Кадет Леонидос, когда наш великий соблазнитель с вами закончит, я бы тоже был не против попробовать свои силы. Мой отсек 215 в мужском крыле, так что

прошу в любое время. И уверяю вас, что могу превзойти этого засранца во всем.

– Пошел отсюда на хрен, Райес, – прорычал Марко, уже видя, как быстро тает возбуждение Ирис, и красные пятна злости и стыда разгораются на ее скулах.

– Уже ушел! – И чертов завистливый придурок зашагал в сторону зала, где гремела вечеринка.

– Отпустите меня, стажер Дрэго! – дрожащим голосом сказала Ирис, упрямо глядя ему в глаза замораживающим взглядом.

– Ирис… Я хочу тебя невыносимо с того момента, как увидел в момент прилета, – пробормотал Марко, отказываясь размыкать объятия.

– Ну, как раз в этом я нисколько не сомневаюсь. Но я, по-моему, сразу сказала тебе, что спать с тобой не буду! А теперь немедленно отпусти меня, или я подам рапорт о сексуальных домогательствах, – и Ирис со всей силы толкнула его в грудь.

На этот раз Марко отпустил девушку и просто пошел за ней по коридору.

– Наплевать! Подавай свой рапорт! Потому что я не собираюсь от тебя отставать, Цветочек. Черт возьми, Ирис, я хочу тебя, как безумный, ты тоже хочешь меня, я это видел! Так для чего все эти дурацкие пляски вокруг да около! Для чего тебе нужно усложнять это для нас обоих?

– Да, твою жизнь бы очень облегчило, если бы я просто разделась и легла на спину, предложив тебе поиметь меня разок-другой? Так ты хочешь? – взмахнула руками девушка, продолжая нестись по коридору.

– А тебе нужно, чтобы я ухаживал, дарил подарки и врал, что совсем не мечтаю увидеть тебя голой и потной подо мной? Чтобы я соблазнял тебя, прикидываясь, что могу думать рядом с тобой еще хоть о чем-то, кроме того, как это будет – погружаться в тебя до одури? – заорал Марко, обгоняя Ирис и преграждая ей дорогу.

– Я вообще ничего не хочу от такого, как ты, Марко Дрэго! Такие, как ты, просто не способны на отношения, которые нужны мне, да вообще любой нормальной девушке. Ты в принципе не знаешь, что такое отношения.

– О, ну, ты же у нас просто эксперт, Ирис! Определила это с первого взгляда на меня или со второго? – Марко еле сдерживался, разрываемый желанием одновременно схватить и вытрясти из нее душу и зацеловать до бесчувствия. – Только знаешь что, мой Цветочек? Каким бы я хреновым ни был в отношениях, никакого другого тебе в этой долбаной академии не светит! Так что смирись! Или со мной, или ни с кем, Ирис!

– Ну, тогда уж лучше ни с кем!

– Замечательно! И поверь, я прослежу, чтобы так и было!

– Да на здоровье! – И перед лицом Марко захлопнулась дверь ее отсека.

Со стоном он уперся лбом в холодный металл перегородки. Его тело трясло от злости и сильнейшего желания. И если первую эмоцию он был намерен погасить прямо сейчас, пойдя и найдя засранца Райеса, то, похоже, со второй проблемой помочь ему было некому.

***

Женщина за столиком напротив поднялась и, проходя мимо него, положила рядом с его бокалом пива салфетку с номером телефона, слегка дотронувшись до руки. И это мимолетное прикосновение чужой кожи заставило Дагфинна вздрогнуть, вызывая внутри неожиданно сильную волну неприятия и раздражения. Что же за чертов личный апокалипсис с ним опять происходит?

Тогда в академии после встречи с Ирис он будто перестал видеть вокруг других девчонок. И даже то, что сама Ирис игнорировала все его попытки ухаживать весь первый год обучения, заставляя его чуть ли не вешаться от ревности и неутоленного желания, не сподвигло его на попытку найти утешения в чужих объятиях. Он сходил по ней с ума, просто не мог существовать, если не видел ее несколько часов, хоть она и вытягивала из него душу каждым поворотом головы

и взглядом, адресованным не ему.

За тот год все смирились с тем, что Марко Дрэго безнадежно помешался на первокурснице Леонидос, и приближаться к ней любому существу противоположного пола чертовски опасно. Даже Федор перестал придумывать бесконечные шуточки на эту тему и принял тот факт, что его друг больше не составляет ему компанию в его похождениях.

Дагфинн скривился. Черт возьми, как он не заметил уже тогда, что лучший друг запал на Ирис? Ведь он был не слепой. На нее велись все, и если бы он не маячил вечно за ее спиной угрожающей тенью, парни бы проходу ей не давали.

Федор появился в дверях кафе. О, вспомни дерьмо, вот и оно! Дагфинн откинулся на спинку стула, недобро глядя в глаза приближающегося бывшего друга.

Федор с мрачным лицом опустился на стул напротив.

– Зачем ты явился Ма… Дагфинн?

– О, сразу к делу? Что, не напьемся, вспоминая добрые старые времена? Не пустим пьяную слезу о нашей прежней мужской дружбе? Хотя постой! Никогда никакой дружбы не было! – ухмыльнулся Финн и сделал большой глоток пива.

– Я всегда был тебе другом. Но это не значит, что теперь я позволю тебе причинять боль моей жене.

– Да ладно, Федюня, твоей жене? Когда ты задумал отбить у меня Ирис? Когда я улетел и сгинул, или ты запал на нее с самого начала?

– Я бы ни за что не вмешался в ваши отношения, хотя врать не буду – был влюблен в Ирис почти столько же, сколько и ты.

– Я не был влюблен! Я любил ее! Был помешан на ней! Дышать без нее не мог! И ты это знал как никто, мать твою!

– Если все это так, то как ты смог бросить ее и улететь, когда она так просила тебя остаться?!

– Это была моя чертова работа! Мое призвание и то, ради чего я столько учился и упорно работал! – заорал Дагфинн, и посетители кафе стали оборачиваться на них.

– Вот именно – твоя работа! И твое гребаное тщеславие! Ты во всем должен быть победителем, сраным героем! И ты бы никогда не остановился! – нагнулся вперед Федор, прожигая его взглядом.

– Так вот, значит, в чем дело, Федюня? Ирис выбрала тебя потому, что ты был под боком и грел ее постельку, пока я болтался в космосе? А спать вы вместе стали до моего отлета в тот раз или после? Может, она тебя уже давно про запас держала?

– А ты стал таким мудаком. Я просто не узнаю тебя.

– Да ладно! Что же меня к этому сподвигло? Ведь моя жизнь прямо сказка, не так ли? Сначала я застреваю на гребаной планете, потому что кучка мудаков из первичной разведки хрен положили на свои прямые обязанности. Потом четыре года жду, пока меня оттуда вытащат, в то время, как каждая тварь, там обитающая, хочет сожрать меня днем и ночью. А когда я, наконец, выбираюсь, то узнаю, что женщина, ради которой я цеплялся за жизнь и ускользающий разум зубами, решила, что я – лишнее в ее жизни, и выскочила замуж за моего лучшего друга и даже не хочет хоть краем глаза взглянуть на меня. Хрен с ним, я от этого не сдох. Но вот недавно я выясняю, что все обстоит еще более паршиво, чем я думал. Оказывается, что все эти годы здесь на Земле растут мои дети и называют папочкой тебя, Федюня. А вот теперь я здесь потому, что хочу узнать, чья это была гениальная идея не сообщать мне об этом? Кто это решил: ты или Ирис?

– Это наше общее решение, Дагфинн. И, конечно, может, с твоей точки зрения мы не правы. Но подумай сам! Зачем детям такой отец? Как часто они бы видели тебя? Ты бросил Ирис один на один с беременностью и умотал вершить великие дела!

– Я, черт возьми, не знал, что она беременна!

– А если бы знал, то, конечно же, моментально бы отказался от всех своих миссий и остался бы рядом с ней? – презрительно спросил Федор.

Дагфинн сглотнул, не зная ответа на этот вопрос. Да, он любил Ирис, любил до умопомрачения, но и космос тоже. А еще он действительно всегда хотел быть для нее героем. Тем, кем она будет гордиться и восхищаться. Ведь женщинам нужно восхищаться своим мужчиной, чтобы не захотеть уйти однажды? Или на самом деле не это самое главное?

– Вот видишь, Дагфинн, ты ничего бы не стал менять, – усмехнулся Федор на его замешательство. – И даже появление детей ничего бы не изменило. Ты бы по-прежнему мотался в космосе, изредка навещая семью, и дети росли бы, почти не зная тебя. Так что я, считай, оказал тебе услугу. Я вместо тебя дал Эйсону и Зефире нормальную семью, а Ирис – мужа, который был всегда рядом.

Дагфинн почувствовал, как волна бешенства захлестывает его.

– Так мне еще, может, и в ножки тебе поклониться за то, что все эти годы ты трахал мою женщину, и что тебя мои дети называли папой? Долбаный ты засранец, Соколовский! Хрен тебе, а не благодарность! – и Дагфинн вскочил из-за стола.

– Что ты собираешься делать? Запомни, Ирис не хочет больше видеть тебя! Никогда! Больше не врывайся к ней и не тревожь! – подался угрожающе вперед Федор.

– Или что ты сделаешь, Соколовский? Набьешь мне морду? Что-то я сомневаюсь, учитывая, что ты все эти годы просиживал штаны в офисе. Ну, да ладно, мне и на хер не сдалась женщина, променявшая меня на тебя. Оставь эту вероломную сучку себе! Но от детей я не отступлюсь! Так и знай!

Дагфинн развернулся и вышел из кафе, на ходу набирая Ингмара.

– Да, шеф! – быстро откликнулся парень. – Как отпуск?

– Прекрасно! – буркнул Финн.

– Что-то не похоже по твоей хмурой роже, Финн. Что не так?

– Кончай задавать вопросы. Мне нужно, чтобы ты открыл доступ к моим данным, которые запрашивал Эйсон Соколовский. И даже больше. Я хочу, чтобы ему «случайно» стало известно о моей нынешней личности и работе. Ну, без секретной инфы, само собой. Сможешь это сделать через сеть АСТРА-академии? Но так, чтобы как-то ненавязчиво.

– Обижаешь, шеф! Ненавязчивость и случайная утечка – мое второе имя! Хочешь, типа, заранее представиться детишкам, прежде чем появиться перед ними лично?

– Ну, вроде того.

– Уверен, что это хорошая идея?

– Может, и нет. Но, думаешь, в ситуации, когда ты хочешь прийти к уже взрослым парню и девушке и заявить: «Эй, ребята, я ваш родной отец, который черт знает где болтался столько лет» есть вообще хоть одна возможность сделать все хорошо?

– Тут я не советчик, Финн. Может, мозгоправа спросишь?

– Ну, уж нет! За все эти годы я не позволял никому лезть в мою голову и давать умные советы, и не фиг сейчас начинать. Разберусь сам.

– Ладно, как сделаю – доложу, – и Ингмар отключился.

Дагфинн зашагал к отелю, в котором остановился. Ирис не хочет его в своей жизни? Чему удивляться? Она не хотела его тогда после возвращения, с чего бы чему-то измениться сейчас.

Хотя ему показалось на мгновение тогда, в кабинете, что она смотрит на него с прежним желанием и любовью.

Любовью! Дагфинн фыркнул. Желание, возможно. Как ни крути, в постели у них все было просто крышесносно. Всегда. Каждый раз. Такое не забывается. А

женщины на самом деле похотливые сучки, уж кому, как не ему, это точно знать. Так что тому, что Ирис хотела бы с ним еще разок переспать, он бы даже не удивился.

При мысли о том, чтобы еще хоть раз ощутить Ирис под собой или скачущей на нем, тело Дагфинна нагрелось, а из груди вырвался стон. Мгновенный, мать его, железобетонный стояк! Будь она проклята, эта женщина, что причиняет ему такие страдания! Ему срочно нужно трахнуться! Делать это всю ночь, пока его член не будет покрыт долбаными мозолями!

Войдя в холл отеля, Дагфинн огляделся. Он намерен прямо сейчас получить пару порций чего-нибудь убивающего эмоции и разборчивость и снять кого-то, между чьих ног забудется до утра.

Немедленно!

Глава 7

– Ирис, детка… – замялся Федор, отводя взгляд.

– Выходит, давно, – сглотнув, сказала женщина. – Ты вообще хоть когда-то был уверен, что он был мертв, или с самого начала просто морочил мне голову?

– Ирис! Я бы не стал этого делать. Ни за что! – шагнул Федор ближе и протянул руку, чтобы прикоснуться к ее лицу.

Ирис отшатнулась, и его рука повисла в воздухе.

– Я считал его погибшим. Все так думали! До того, как повторная экспедиция не нашла его полубезумного на той чертовой планете, все были уверены, что он погиб!

– И как давно ты знаешь, что он жив? – лицо Ирис было бледным, а губы дрожали.

– Его вернули четыре года спустя. Потом еще несколько месяцев на реабилитации в изоляторе.

– Но ты не сказал мне! Знал, что он жив, и не сказал! Почему, Федя? За что ты так со мной? С нами всеми? – голос Ирис сорвался.

– А зачем, Ирис, детка? Ты была не нужна ему! Он о тебе даже не вспомнил!

– Откуда тебе об этом знать? – Ирис замерла, пораженно глядя на мужа. – Ты виделся с ним. Верно? Ты виделся с ним и не сказал мне!

– Не сказал! Ты моя жена, и у нас только все наладилось! А он был почти невменяем тогда! Я не хотел, чтобы ты страдала, глядя на него, Ирис! Ему не было дела ни до тебя, ни до детей! Так зачем мне было говорить тебе о нем?

– Ты не имел права решать все за меня! Не имел, слышишь! Я не давала тебе такого права!

– А я сам взял его, потому что я твой муж и отец твоих детей! Настоящий отец, а не какой-то долбаный донор спермы, которому ты никогда не была нужна! Разве он связался с тобой хоть раз за эти годы? Нет! Разве он был с тобой все это время, Ирис? Нет! Это был я! Потому что я всегда любил тебя, а для него ты была просто развлечением. Постельной игрушкой. Да, ему очень льстило, что ты его так сильно любишь. Марко всегда нравилось, что бабы по нему сохнут. Но ты была для него одной из многих. Просто одним пунктом в списке побед. А для меня ты была самой необыкновенной. Единственной, повторений которой нет!

– В академии ты был таким же бабником, как и Марко! Тебе ли его осуждать?

– Я изменился ради тебя! Изменил всю свою жизнь! А он нет, Ирис. И никогда бы этого не сделал.

Ирис вскочила с постели и пошла к выходу.

– Куда ты? – рванулся к ней Федор, но она отпрыгнула от него, как от зараженного космической лихорадкой.

– Не трогай меня!

– Ты не можешь уйти от меня сейчас только потому, что этот ублюдок вдруг вломился в нашу жизнь!

– Этот ублюдок был твоим другом! – закричала Ирис.

– Был! Вот именно был! Моим другом был Марко Дрэго, а этот мужик уже не он! Неужели ты этого не понимаешь, Ирис? Остановись, черт возьми! Куда ты идешь?

– Я должна побыть одна! – истерично вскрикнула Ирис.

– Ты пойдешь к нему? Я не пущу тебя, Ирис! – Федор метнулся к ней и вжал своим телом в стену.

– Ты моя, Ирис! Ты моя жена! – губы Федора жадно и суматошно искали рот Ирис, но она отворачивалась, сдерживая рыдания. – Я не отдам тебя ему! Не отдам, слышишь?

– Отпусти меня! – Ирис неимоверным усилием отпихнула Федора от себя и выскочила из комнаты.

– Ирис, вернись! Пожалуйста, Ирис, родная!

Ирис выскочила из дома и запрыгнула в глайдер. Прочь отсюда! Ложь! Столько лет ее жизни были сплошной ложью!

Уж поднявшись в воздух, она увидела Федора, выбежавшего из дома, и выжала полную мощность из двигателя своей воздушной машины, едва не столкнувшись с пролетавшим навстречу молодым парнем. Его лицо исказил ужас.

Она неслась, сама не зная куда. Главное, подальше от дома, в котором прошло столько лет, полных обмана!

Вскоре она оказалась над пустынным пляжем и посадила глайдер. Вывалившись наружу, она подставила заплаканное лицо резкому ветру, наполненному

запахом соли и высыхающих после вчерашнего шторма водорослей. Как ей жить дальше с тем, что она теперь знает? С осознанием того, что она стала невольной предательницей своего любимого. Даже если Федор сказал правду и Марко не хотел видеть ее, когда вернулся, она должна была знать! Должна была увидеть его и услышать собственными ушами, что больше не нужна ему! Пусть он добил бы ее тогда, разорвав душу совсем, чем осознавать, что предала его сама, пусть и невольно!

Великая Вселенная, Федор сказал, что Марко был невменяем после возвращения! Сколько же всего ему пришлось перенести! А что, если на самом деле он нуждался в ней тогда? Что, если ее присутствие облегчило бы его боль? Пусть потом он и отказался от нее, но в тот момент, когда он страдал, она могла быть рядом с ним и снимать хоть часть его боли.

Ведь он раньше так сильно стремился к ней! Так долго ухаживал, не отступался, когда она отталкивала и игнорировала его день за днем в академии. Смог преодолеть ее упрямое нежелание признавать собственные чувства и пробился к ее сердцу. Хотя, чего уж греха таить, так ли уж сильно она могла ему противостоять, когда внутри все сжималось от одного только взгляда на его резкие и прекрасные черты, на движения его мощного гибкого тела на занятиях физподготовкой.

А еще она постоянно мучилась от ревности, когда Марко мимолетно дотрагивался до других девушек, даже когда это было необходимо во время тренировок. От этого ее собственное тело начинало гореть и пульсировать в тех же местах, которых на чужом теле касались загорелые руки Марко. И то, что другие девчонки, не скрываясь, флиртовали с ним, просто выводило ее из себя. Из-за этого весь год занятия по самообороне были настоящей пыткой для Ирис. Она постоянно сбивалась и не могла сосредоточиться на движениях. И итог, конечно же – низкий бал, хотя по всем остальным дисциплинам у Ирис было отлично.

И перед зачетным периодом встал острый вопрос, что с этим делать. Поборов свою гордость, Ирис пошла к куратору их группы и попросила-таки о дополнительных занятиях. Само собой, с другим инструктором. И получила разрешение на дополнительные часы.

***

Войдя в пустой зал поздно вечером, она увидела там Марко.

– Стажер Дрэго? – замерла Ирис. – А где мой новый инструктор?

– А нового не будет, Цветочек, – нагло усмехнулся Марко. – Они все весьма заняты, знаешь ли, в конце года. А те, кто не занят, просто отказались заниматься с тобой.

– Что? – потом до Ирис дошло, и она в ярости обрушилась на Марко. – Это ведь твоя работа! Ты всех запугал!

– Я бы сказал, убедил, Ирис. Сказал же тебе, что никто больше до тебя тут не дотронется! Так что, как и говорил, у тебя остаюсь в любом случае только я.

– Ты наглый мерзавец, Дрэго! Как ты смеешь лезть в мою жизнь и обучение! – Ирис сжала кулаки в гневе.

– О, ты хочешь меня ударить? Ну, давай, я тебе это даже позволю! Так я хоть как-то могу ощутить, что ты прикасаешься ко мне по собственной воле, а не вынужденно. Давай, Ириска, врежь мне!

– Я ни за что не стану с тобой заниматься, наглый ты шантажист!

Ирис развернулась, чтобы уйти. Но тут же оказалась прижата к сильному телу Марко. Он развернул ее и с силой толкнул в сторону тренировочных матов. Ирис, взбесившись, бросилась на нахала, и Марко действительно позволил ей двинуть ему довольно ощутимо в плечо. Но потом перехватил ее руку и, потянув, сделал подсечку и повалил на маты, опять прижав всем весом.

Ирис вырывалась отчаянно, рыча и шипя на него, как разгневанная кошка. Но добилась только того, что оказалась распластана под его мощным телом. Марко молча и решительно схватил ее кисти и прижал их к полу над ее головой. Сильными бедрами он раздвинул ноги Ирис и прижался к ее сердцевине своей абсолютно однозначной жесткостью. Его рот жадно прижался к коже на шее Ирис, и Марко провел по ней языком.

– Продолжим с того же места, девочка моя? – резко выдохнул он у ее кожи.

– Отпусти меня, долбаный извращенец, – прошипела Ирис, продолжая извиваться под ним.

– Давай, Ирис, потрись так об меня еще минутку, и я кончу в штаны! – злобно сказал Марко, приподнимаясь над ней.

Ирис замерла на секунду, а потом попыталась ударить его в лицо лбом.

– Пошел ты, чертов бабник! – в ярости крикнула она.

Марко с легкостью уклонился от ее удара и только сильнее вжался в нее бедрами.

– Бабник, Цветочек? Да я уже почти год ни с кем не спал! С того проклятого дня, как тебя встретил на свою голову! Мой член скоро сотрется от того, как я мастурбирую в душе каждое утро, чтобы мой стояк не выколол никому глаза, когда я тебя увижу в толпе! И меня даже от мыслей о тебе не хватает больше, чем на пару секунд! Да я гребаный монах! Ты мне уже всю душу вымотала!

– Мне плевать! Отпусти меня немедленно! – пробормотала Ирис, чувствуя, как слабеет от его близости и дерзких слов.

Ведь она должна злиться на него за то, что он тут прижимает ее к полу и говорит все эти свои грязные словечки? Ведь так? Почему тогда ее ноги дрожат, желая обхватить его, а в груди болит от ожидания его поцелуя?

– Тебе не плевать! – сглотнув, прошептал Марко. – Не плевать, так же, как и мне.

И тут он сделал движение бедрами, потираясь о ее лоно своим окаменевшим членом сквозь слои их одежды. И Ирис не смогла сдержать стона. Между ее ног мгновенно стало мокро и невыносимо горячо, и губы раскрылись, втягивая воздух жадными глотками. Марко впился в ее лицо голодным взглядом и повторил свое движение, делая его еще более долгим и мучительно сладким. Веки Ирис опустились сами собой, и она непроизвольно выгнулась, опять застонав.

– Ирис… – прохрипел Марко и втянул ее нижнюю губу, прикусывая и тут же лаская языком.

– Чтоб ты провалился в бездну, Марко Дрэго, – прохныкала Ирис, сама подаваясь навстречу их поцелую.

Их рты жадно столкнулись, лаская и борясь за обладание, и Марко освободил руки девушки, отпуская собственные в исследование столь давно желаемой территории. Ирис тоже больше не могла себя сдержать и скользила пальцами по мускулам его плеч и спины, что сокращались от ее прикосновений под одеждой.

Тела безудержно извивались и терлись друг об друга, и Марко все стонал и стонал ее имя, становясь все неистовей и жадней.

Их бедра двигались без остановки, и Ирис чувствовала, как внутри назревает что-то невыразимо огромное от этих умопомрачительных скольжений твердой плоти Марко по ее истекающему влагой естеству. Она уже дрожала и никак не могла унять или остановить накатывающиеся ощущения, вызывающие у нее почти панику от потери контроля и судорожную боль в низу живота. Ничего подобного при ее первом опыте с парнем она не чувствовала и даже не представляла, что такое может быть.

– Марко! – жалобно всхлипнула она, не зная, чего хочет: оттолкнуть его или двигаться на этой горячей твердости еще быстрее.

– Ирис, девочка моя, – хрипло прошептал Марко и стал тереться об нее еще быстрее и делая все мучительные ощущения просто невыносимо интенсивными. – Давай, Ирис, давай, сделай это для нас двоих.

Марко обрушил на нее такой жесткий и глубокий поцелуй, продолжая сводящие ее с ума движения внизу. Ирис вцепилась в него, и каждая мышца в ее теле напряглась, грозясь лопнуть. В животе что-то жестко сократилось, и она закричала, ощущая, как в теле взорвалась невыносимо сладостная вспышка. Ирис дергалась под сильным телом Марко, а он рычал протяжно и удовлетворенно, продолжая ее агонию толчками своих бедер.

Ее тело обмякло и словно воспарило, а Марко остановился, продолжая целовать ее лицо и шею и слизывать выступившую испарину.

– Моя шумная девочка, – тяжело дыша, шептал он. – Ты просто восхитительна, когда кончаешь. Хочу видеть это еще. Так часто, как только ты сможешь мне это дать.

Ирис возвращалась на землю из своего взрывного полета, и наслаждение вперемешку со стыдом заполнили ее бедную голову до краев. Ее лицо и так горело от пережитого, а теперь прямо запылало, и Ирис спрятала его на груди у Марко.

– Нет, не прячься от меня больше, Ирис. Я просто с ума схожу от тебя и хочу видеть каждую минуту.

Ирис по-прежнему ощущала его твердость у себя между ног и робко подняла на Марко глаза.

– А ты не…

– Не кончил? Нет, Цветочек. Хочу сделать это в тебе. Я так долго ждал этого. Ты ведь больше не оттолкнешь меня? – Его глаза смотрели на нее с тревогой. – Я, пожалуй, просто умру, если ты опять станешь прежней ледышкой, Ирис.

– Не стану, – смущенно улыбнулась Ирис. – Весь лед растаял. Прямо потоп какой-то.

Рука Марко соскользнула к месту соединения из тел, и он ощутил, какой мокрой там была Ирис для него. Его глаза закатились, а рот открылся в мучительном стоне.

– Ты убиваешь меня, Ирис. Просто уничтожаешь без шанса на спасение, – прохрипел он.

Потом резко поднялся и потянул Ирис за собой.

– Куда мы? – удивленно посмотрела на него Ирис, стоя на дрожащих ногах.

– Идем. Наш первый раз не будет в каком-то долбаном спортивном зале, куда может войти кто угодно. К тому же я не уверен, что вообще смогу остановиться до утра.

– Что? – пораженно выкатила глаза девушка.

– Ты морила меня голодом целый год, Ирис, так что теперь не делай испуганных глаз и не проси притормозить. Остановок не будет, Цветочек. Не в ближайшее время уж точно.

***

Сзади взвизгнул ребенок, и Ирис резко обернулась, вырываясь из собственного прошлого.

Молодые супруги пришли погулять на пляж с ребенком и собакой. Хорошенькая белокурая кучерявенькая девочка около двух лет с визгом мчалась по пляжу, а ее отец с шуточным рычанием гнался за ней, делая вид, что никак не может догнать. Вокруг них носился пес, страшно довольный всей этой суетой.

Сердце Ирис опять содрогнулось, наливаясь болью. Она забралась обратно в глайдер.

– Найди мне, где остановился Марко Дрэго, – сказала она бортовому компьютеру.

– Извините, данные не найдены, – ответил мелодичный механический голос.

– Ах, да. Найди Дагфинна Нерайо.

– Отель «Млечный путь», номер 714. Номер для связи…

– Достаточно.

Через полчаса она, дрожа всем телом, стояла у номера Марко. Звук дверного зуммера прокатился по ее нервам.

– Входите! – раздался мужской голос, от которого все внутри затрепетало.

Дверь скользнула в сторону, и Ирис на трясущихся ногах шагнула внутрь. Тут же навстречу ей вышел Марко, и она почувствовала, как тело сковало неподвижностью, тогда как сердце скакнуло в горло, мешая дышать и грохоча в ушах оглушающим набатом.

Марко был голым по пояс и босиком, и глаза Ирис метались с жадностью умирающего от голода, поглощая вид его обнаженной смуглой кожи и четко очерченных мышц. Тело парня стало телом взрослого мужчины, но это по-прежнему был Марко, и Ирис испытывала невыносимую боль от того, что могла только смотреть, но не касаться. Мощная грудь мужчины резко расширилась, вдыхая, и Ирис увидела, как напряглись все его мускулы, делая его торс словно вырезанным из камня, и ее глаза испуганно метнулись от узкой дорожки черных волос на животе вверх, к его глазам, зацепившись по пути за угольно-черное тату на левой стороне груди. Когда-то там красовалось ее имя и цветок ириса, но сейчас их место занимало непонятное слово «Morituri».

– Тебе всегда нравилось на меня пялиться, Ирис, – ухмылка мужчины была жесткой.

Ирис дернулась, пытаясь вернуть себе способность дышать и говорить. Она столкнулась с холодным взглядом сумеречно-синих глаз, которые она помнила горящими голодным желанием и нежностью все эти годы. Но сейчас эти глаза были скорее кусками острого льда, что резал в кровь ее душу.

– Зачем пришла? – резко спросил Марко.

– Марко… Я…

– Госпожа Соколовская, – Марко шагнул к ней ближе, и его чистый мужской запах обрушился на Ирис, шокируя и опять лишая воздуха. – Меня зовут Дагфинн Нерайо. Вы вроде на память никогда не жаловались.

– Марко, пожалуйста… – Ирис слышала, как жалко и беспомощно звучит ее голос. – Нам нужно поговорить.

– А о чем мне с тобой разговаривать? Федюня четко донес до меня твою жизненную позицию. Мне все уже понятно. Более чем. Так что не трать ни свое, ни мое время понапрасну. Если пришла просить меня убраться из твоей жизни – не трудись, я и так завтра улетаю. Хотя есть один вид разговоров, который мог бы заинтересовать меня, хотя бы ненадолго.

Марко сделал несколько быстрых шагов, оттесняя Ирис к стене в коридоре. Он уперся своими мускулистыми руками в стену над ее головой, окружая и заключая в клетку своей невыносимой близости. Внутри у Ирис все сжалось от паники и неистового желания, сворачивая все внутренности в жесткий ком вожделения и убивая все слова и разумные мысли. Все, о чем она могла думать, – это как хочет руки и губы Марко на своей обнаженной коже.

– Мне всегда охренеть как нравилось говорить с тобой в постели. Точнее, слушать твои стоны и крики. То, как ты умоляешь меня трахать тебя сильнее и глубже. Ты это помнишь? Как звучал твой голос, хрипло и надрывно, словно ты умрешь, если я не дам тебе желаемого. Если бы ты знала, что со мной творили эти твои стоны… А еще какие звуки ты издаешь с моим членом во рту, – прохрипел он у самого уха Ирис, опаляя ее кожу короткими резкими вздохами, и мощная хмельная волна ударила в голову женщины, заставляя неистово желать наброситься на его губы и впиться в тело жадными пальцами. – Скажи, Федюне так же, как мне, нравится твой грешный рот? – голос Марко изменился, и в нем теперь слышалось гудящее пламя ярости. – Ты так же, как меня, заставляешь его орать и задыхаться, когда вынимаешь душу этими губами?

Марко коснулся пальцем ее нижней губы, сильно нажимая и заставляя приоткрыть рот. Его горячее, большое тело было так близко, но при этом больше не прикасалось к ней нигде, хотя ее собственное уже полыхало и болело от жажды ощутить его на себе. Как можно ближе. Кожа к влажной коже. От единственного прикосновения его жесткого пальца поток раскаленного огня вливался в Ирис, разрушая все вокруг, стирая память о том, где она и сколько лет прошло с того момента, когда он касался ее в последний раз. Во всей Вселенной оставались только они вдвоем и этот обжигающий контакт.

Во рту стало невыносимо сухо, и Ирис сглотнула и облизала губы и палец Марко. Мужчина зашипел и отшатнулся, скрипя зубами.

– Во имя всех гребаных пульсаров, зачем ты явилась сюда, Ирис?! – гневно закричал на нее Марко. – Хочешь вспомнить разок, как это было – извиваться

подо мной? Я ведь для этого всегда был тебе нужен?

– Нет, Марко! – замотала головой Ирис. – Я хочу поговорить с тобой о нас! О наших отношениях.

– О каких нас? О каких отношениях, Ирис? Судя по тому, с какой легкостью ты меня бросила и сменила на другого, между нами не было никаких отношений. Просто много месяцев охренительного крышесносного секса. Ты об этом хочешь говорить? Так я не против, Цветочек! Только когда мы будем голыми, и я буду у тебя внутри.

– Финн, дорогой, ты скоро? – раздался томный женский голос из глубины номера, и Ирис замерла.

Все слова, что она хотела сказать ему, застряли в ее горле.

– Ах да, забыл предупредить, – лицо Марко дернулось, как от боли, но потом исказилось в гадкой похотливой усмешке. – Мы будем не одни. Но, думаю, ты не будешь против. Мы ведь много чего пробовали, но не секс втроем, Ирис-детка. Так что видишь, как все здорово складывается? Ты решила прийти ко мне и вспомнить, каково это было – иметь меня, а тут такой случай получить новый сексуальный опыт. Ну так, милости прошу! Обещаю, ты уйдешь отсюда довольной, и еще долго будешь чувствовать, что я был между твоих ног. Ты ведь помнишь, какой я выносливый парень, так что хватит на вас обеих, не волнуйся.

Тошнота свернула желудок Ирис узлом, и она рванулась прочь, выскальзывая из-под Марко. Ее тело трясло, как от жуткого холода, и она несколько раз истерично ударила по сенсору, открывающему дверь, который никак не хотел срабатывать.

– В чем дело? Передумала? – голос Марко… нет, не Марко, Дагфинна, звучал презрительно, и у Ирис было ощущение, что он проводил по ее спине огромным ножом.

Дверь распахнулась, и она вывалилась в коридор, тут же натыкаясь на мужа.

– Да брось ты, Ирис? Ты такая жадная? Ну, хочешь, я попрошу девушку уйти? И тогда я весь на сегодня твой! – продолжал глумиться Дагфинн. – Все, что хочешь, ради того, чтобы еще разок засадить тебе, Цветочек! Уверен, ты по-прежнему этого стоишь!

Федор схватил Ирис за плечи, но она шарахнулась от него, напоровшись на грудь Дагфинна. Он тут же обхватил ее и жадно впился губами в шею. Издав отчаянный всхлип, Ирис рванулась и из его рук, врезаясь в стену и пятясь от обоих мужчин.

– Не смей прикасаться к моей жене! – зарычал Федор на Дагфинна.

– Почему это? Она сама ко мне пришла! Что, Федюнь, удовлетворять такую тигрицу, как она, нелегко? Особенно после того, как я показал ей, как это должно быть на самом деле.

– Ты стал таким гребаным ублюдком, Дрэго! Хотя ты таким всегда и был! Просто прикидывался хорошим парнем. Ирис, пожалуйста, пойдем со мной домой. У нас все будет хорошо! Хочешь, мы полетим на отдых? Или к детям в академию? Ириска моя, ты только скажи, я все сделаю.

– Какие нежности, мать вашу! – рявкнул Дагфинн. – Ты моих детей имеешь в виду? Кстати, не рассчитывайте вы, оба, что все относительно них останется по-прежнему!

– Что ты собрался делать? – встрепенулась Ирис.

– А вот это вообще не твое дело, дорогая! Ты ведь не сочла меня достойным быть их отцом в течение стольких лет. Так вот, теперь я считаю, что такая вероломная тварь, как ты, не заслуживает того, чтобы я ставил тебя в известность о моих планах.

– Но это не моя вина! – закричала Ирис, и слезы хлынули по ее лицу.

– О, прошу тебя, прекрати этот долбаный цирк. Еще на колени упади и начни клясться в том, какая ты невинная, а все кругом мудаки и предатели!

– Не смей так говорить с ней! Ирис этого не заслужила!

– Да ладно! Не заслужила? Тебе ли защищать ее? Сначала она предала меня, решив, что с тобой ей будет удобнее. Но стоило мне прилететь, и надо же, посмотрите, где наша Ирис? В моем гребаном номере, готовая раздвинуть ноги! Кстати, у меня есть интересное предложение! Если тебя, Цветочек, не устраивает тройничок с той девчонкой, то можем устроить его с Федюней! Я ему как раз покажу, как сделать, чтобы ты отключилась от оргазма. Так как?

– Заткнись, урод! – бросился на Дагфинна Федор, но тот с легкостью его отбросил, и он с глухим звуком ударился спиной о стену.

Ирис, мотая головой, пятилась от мужчин, и ее тело сотрясалось от беззвучных рыданий.

– Вы… Вы оба… Ненавижу вас! Ты, – ткнула она дрожащей рукой в мужа, – ты лгал мне столько лет! Видеть тебя не могу больше!

– Ирис! – вскрикнул Федор, пытаясь приблизиться.

Но она еще сильнее замотала головой и попятилась еще дальше.

– А ты, – Ирис посмотрела на Дагфинна, и рот ее дернулся, силясь произнести не желающие выходить наружу слова, – ты прав. Ты не мой Марко. Мой Марко умер бы, но не причинил мне боль. Я не знаю тебя. Вас обоих не знаю! Вы никто! Чужаки! Не смейте больше никогда появляться ни в моей жизни, ни в жизни моих детей!

– А вот это, мать твою, не тебе решать! – рявкнул Дагфинн.

– Ирис, остановись! Прости меня! – метнулся к ней муж.

– Прочь! – закричала она и выбежала, не разбирая дороги.

Глава 8

– Ирис! – простонал Федор, в бессилии роняя руки.

– Надо же, какие страсти! Что, на брюхе за ней поползешь? – презрительно скривился Дагфинн.

– Заткнись. Ты долбаный мерзавец! Ты ни хрена не знаешь! И если понадобится – поползу! Хоть до конца жизни ползти буду!

– Ну, так вперед! Что, так боишься лишиться ее в постели, что готов унижаться даже после того, как она сама ко мне пришла! Так позволь тебе напомнить, мой бывший лучший друг. Вокруг охренеть как много других баб! Просто бесконечное количество! «Может, тебе пора об этом вспомнить, чем пускать слюни по одной?» Не припоминаешь, как сам говорил мне это?

– Отвали. Ты все равно никогда уже не поймешь. Постель тут ни при чем! Ирис одна такая на всем свете. Других просто нет.

Дагфинн почувствовал, как волна чистейшей ярости захлестывает его, лишая мир всех красок, кроме кроваво-красного, и, схватив Федора за грудки, с силой впечатал спиной в стену.

– Вот именно, ушлепок! Она такая одна. И ты знал об этом. Знал, как я любил ее, и что если лишусь ее, больше не буду жив! Знал и все равно забрал ее у меня. Ну, так теперь желаю в полной мере ощутить то, что чувствовал я. Наслаждайся, млять!

И Дагфинн, с омерзением отшвырнув от себя Федора, вернулся в свой номер.

Его случайная гостья встретила мужчину голой и с призывной улыбкой на лице. Подойдя к нему, она потерлась о его обнаженную грудь своими сосками и, мурлыкнув, обхватила за шею одной рукой, а вторую положила на его плоть через штаны. Все тело Финна еще должало от возбуждения, пережитого от близости Ирис, и злости. Он отчаянно нуждался в разрядке, пока ярость не вырвалась наружу, и он не начал в приступе бешенства громить все вокруг.

– Где ты был так долго? – прошептала девушка, сжимая его гудящий от возбуждения член через ткань. – Ты такой большой и твердый. Я так хочу тебя.

Больше всего сейчас Дагфинн нуждался в жестком трахе до одурения, до изнеможения. Но его тело взбунтовалось, не желая прикосновений этой женщины. Она не так пахла, ее голос был другим. Он жаждал Ирис и только ее одну. Сминать, вторгаться, неистово долбиться, наказывая, подчиняя… Чтобы она кричала до тех пор, пока голос не сядет… Чтобы лежала под ним умотанная, мокрая и не могла пошевелиться, только дрожать, принимая его жесткие толчки. Ее одну он хотел видеть на спине, с широко раскинутыми для него ногами, или на коленях, с головой, прижатой к матрасу его властной рукой, когда он будет безжалостно врезаться в ее глубины, уязвимые и открытые для него одного.

Дагфинн, зарычав, оттолкнул девушку, явно не рассчитав силы. Она отлетела, упала на диван и громко вскрикнула.

– Извини! – выдавил он из себя. – Тебе лучше уйти! Немедленно!

Подхватив вещи девушки, он швырнул их ей на колени.

– Ты же не хочешь сказать… В чем дело? Мы собирались заняться сексом! Я же сказала тебе, что согласна на все, чего бы тебе ни захотелось!

– Я, черт возьми, больше не согласен! Уходи. Пожалуйста!

Девушка, поливая его бранью, натянула платье и, засунув белье в сумку, вылетела из номера. Финн так и стоял посреди комнаты и сжимал в кулаки руки. Они помнили мимолетное тепло Ирис, когда она врезалась в него в коридоре, и он, сам не сознавая, что творит, прижал к себе и впился голодным поцелуем в ее шею.

Дагфинн облизал губы, желая еще раз ощутить на них ее вкус . Вкус, который он ненавидел за то, что он столько лет сводил его с ума. Который делал для него кожу любой другой женщины безвкусной. Ирис обратила любую близость с женщиной в его жизни в полной полынной горечи бессмыслицу. Превратила своим уходом секс в просто лекарство от напряжения и пустоты, забрав из него истинное наслаждение и восхитительные краски. С другими каждый раз это был

процесс, приносящий облегчение и примитивное удовольствие. Долбаная разрядка. Почти все равно, что подрочить. Ты кончаешь и вроде расслабляешься, но желать от этого не перестаешь. Желать того, что с их самого первого раза стало его зависимостью, его основным голодом, единственным, что по-настоящему насыщало его тело и душу, делая его счастливым и полноценным.

***

Он тащил Ирис бегом по коридору к своему отсеку. Редкие попадавшиеся им по дороге кадеты провожали их удивленными взглядами, но Марко было плевать. Абсолютно плевать, что у него сейчас на лице написано – он умирает от желания оказаться в теле Ирис и убьет любого, кто может встать у него на пути. Потому что именно так это и было.

– Они так смотрят, – пробормотала Ирис, едва поспевая за ним.

– Наплевать, Цветочек. Шевелись, или я лопну от нетерпения.

Вломившись в отсек, они застали там Федора.

– Где тебя носит? – спросил его друг, но осекся, увидев за его плечом Ирис. – Упс… Можно тебя поздравить?

– Соколовский, уматывай на фиг из моего отсека, – рявкнул Марко, прижимая Ирис к себе.

– Ну, раз такая спешка… – ухмыльнулся друг.

– Живо, или я выкину тебя!

Федор ушел, смеясь и бормоча что-то о том, что завтра хочет все подробности.

– Ты станешь рассказывать ему о нас? – вскинула на него глаза Ирис.

– Обойдется! – пробормотал Марко, расстегивая ее комбинезон. – Ты моя, Ириска. И ничего, даже просто слов о тебе я не готов отдать кому-то.

– А раньше? Вы рассказывали друг другу раньше? – спросила она, хватая и останавливая его руки, уже стянувшие ее одежду до пояса.

Марко замер. Он тяжело дышал и напряженно смотрел в глаза Ирис, в очередной раз поражаясь тому, с какой же легкостью тонет в них. Но в этот раз это приносило ему радость, а не боль. Потому что она, наконец, была с ним. Была уже почти совсем его. И он ничему не позволит помешать ему получить Ирис окончательно и без остатка. Сделать своей. Впервые ему хотелось такого с девушкой. Все его отношения раньше были просто ради взаимного удовольствия, никак не связывая его с партнершей. Потому что Марко четко понимал, что, закончив академию, возможно, больше никогда больше даже не увидится с этой девушкой, когда задания раскидают их по разным уголкам Вселенной. И, в принципе, никогда это не смущало его и нисколько не беспокоило.

Но с Ирис все было по-другому. С самого первого дня он ощутил этот импульс внутри. Сделать своей и только своей. К ней он готов каждый раз нестись, словно притягиваемый гравитацией страшной силы, возвращаясь раз за разом. Впервые он чувствовал себя не главным светилом в Солнечной системе их с Ирис зарождающихся отношениях, а всего лишь спутником, вращающимся вокруг нее одной. И это произошло как-то само собой, не ломая его. За те месяцы, когда он стремился к ней, тоскуя и изнемогая, желая их близости, Ирис стала его якорем и основной потребностью.

И прямо сейчас Марко замер от настоящего страха хоть что-то испортить одним неосторожным словом. Да, он был раньше гулякой и засранцем по отношению к девчонкам, но для Ирис он желал быть идеальным. Вдруг ему захотелось, чтобы он вообще был девственником до нее, тем, на ком она не сможет рассмотреть следов чужих рук и губ. Марко сглотнул сухим горлом, ища и не находя слов.

Ирис смотрела ему в глаза с ожиданием и даже тревогой, а он чувствовал себя онемевшим от дикого желания и страха все испоганить.

– Ирис, я раньше не вел себя, как ангелок, – пробормотал он и провел по обнаженной коже девушки на плечах и шее, едва прикасаясь к ней.

– Я знаю.

– И, если честно, никогда не воспринимал отношения с девушками как нечто значимое… важное… – Долбаные пульсары, каким же грязным ублюдком он себя сейчас чувствовал!

– А то, что должно произойти сейчас… между нами… это важно для тебя? – Ирис продолжала пытливо всматриваться в его лицо, а он задохнулся, не зная, как сказать под этим взглядом, насколько это важно для него. Сказать так, чтобы Ирис услышала и поверила. Не было сейчас ничего более необходимого ему, чем ее доверие. – Марко, я просто хочу знать. Что бы ты ни ответил, это не изменит моего решения быть с тобой сегодня. Скажешь ли ты, что это у нас надолго, или что на одну ночь, я все равно буду с тобой. Мне это нужно сейчас не меньше, чем тебе. Только прошу, скажи правду сейчас, и не нужно рассказывать об этом никому. Даже Федору. Ты можешь пообещать мне это?

У Марко подкосились ноги, и он опустился перед ней на колени, пораженно глядя в лицо.

– Ирис, да что ты несешь? Ты нужна мне, так нужна, и уже очень давно, Цветочек! Я не собираюсь расставаться с тобой завтра! Да никогда вообще! Глупенькая моя девочка! – Марко уткнулся лицом ей в живот, а Ирис, рассмеявшись, обхватила его голову.

– Ты не можешь говорить «никогда»! Этого никто не может говорить! – прошептала она.

Марко поднял голову и решительно рванул вниз ее комбинезон. Стянув его резкими, нетерпеливыми движениями, он подхватил Ирис и уложил на постель. Себя он освободил от одежды просто мгновенно, и тут же оказался поверх ее тела, прижимая к постели.

– Никто не может, Ирис. А я могу. Я беру тебя навсегда, слышишь? Не отпущу тебя и ни завтра, и никогда!

И он поцеловал ее медленно и сладко, желая показать ей, что у них есть все время мира, хотя его уже буквально рвало на части от нестерпимого желания. Ирис доверчиво потянулась к нему, но Марко чувствовал, как дрожат ее пальцы,

которые она запустила в его волосы.

Он очень хотел быть терпеливым и нежным, чтобы не напугать и не оттолкнуть Ирис. Ведь он не знал, был ли он у нее первым или нет, а спросить не решался. Но у изголодавшегося тела были свои планы, и скрыть то, как он изнемогает от желания погрузиться в ее жаркую глубину, сил у Марко уже не было. Он отпустил опухшие от его настойчивой жадности губы девушки и двинулся вниз, не сдерживая тихих стонов, что буквально изливались на сладкую кожу Ирис. Вселенная, мудрая и великая, разве сможет он хоть когда-то забыть этот вкус и запах, это ощущение бархатистой нежности под его ртом? Сможет ли хоть когда-то оторваться и заставить себя улететь от Ирис за миллионы миль, оставив все ее тепло и мягкость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/cherediy_galina/skvoz-slezy-k-zvezdam

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить